

МАРГАРИТА ДЮЖЕВА

НЕ БЕСИТЕ
ПАВЛИКА

Маргарита Дюжева

Не бесите Павлика

<https://litres.ru/69504646>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды я оказалась в лесу. Совсем одна.

...И тут из кустов вышел странный бородатый мужик с бензопилой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	64
Глава 5	77
Г	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Не бесите Павлика

Пролог

— Итак, в чем ваша проблема, Павел Константинович?
— психолог всем своим видом демонстрировал готовность слушать.

Такой интеллигентный, холеный. Костюм с иголки, на запястье дорогие часы. Дела у него шли явно неплохо, что неудивительно, учитывая, сколько стоит прием.

— Меня все бесит, — монотонно отозвался я, без интереса оглядываясь по сторонам.

Кабинет светлый, просторный, стена за спиной врача увешана дипломами и сертификатами.

— Бесит? — уточнил он. — Насколько?

— Настолько, что я готов сломать вам пальцы, если вы еще раз щелкните ручкой.

Он замер и опустил взгляд на руки, в которых крутил Паркер.

— Простите, — спокойно улыбнулся и отложил ручку в сторону. — Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Я и рассказал. О том, как завожусь от любой мелочи, как меня раздражает всё и все. Как иногда хочется свернуть шею нерадивому сотруднику или дубасить по рулю, стоя в пробке, или пинать дверь, когда ключи не можешь в кармане на-

шарить.

Рассказал о том, как выкинул в мусоропровод планшет, потому что тот разрядился в неподходящий момент, как сломал стул, за который имел неосторожность запнуться, о том, как ярость захлестывает по каждому пустяку.

— Как-то так, — развел руками в конце рассказа, уверенный, что врач сейчас вынесет вердикт «псих» и отправит в дурдом.

— Скажите, кем вы работаете, Павел Константинович?

— У меня свой бизнес. Крупная сеть по производству и продаже стройматериалов.

— Вы, естественно, стоите во главе всего?

— Да.

— Хм, — многозначительно хмыкнул он, — когда вы последний раз были в отпуске?

— В прошлом месяце. На неделю вырвался в Испанию.

— Сколько раз в день вы там разговаривали по рабочим вопросам?

Я задумался. Десять? Пятьдесят? Не знаю. По-моему, я всегда висел на телефоне.

Он правильно истолковал мое молчание и покачал головой:

— Это не то. Когда был настоящий отдых? Без мыслей о работе, без звонков, без переписки?

А что, так бывает?

Я ничего не ответил, а врач продолжал смотреть на меня,

ожидая хоть какой-то реакции. В результате пришлось пожать плечами.

— Павел Константинович, у вас стресс, вызванный глобальным переутомлением. Вам нужен отдых, спокойствие, смена деятельности, витамины.

Ты еще мне валерьянку пропиши! Если честно, я уже жалел, что поддался мимолетной слабости и пришел на прием.

— И что вы предлагаете? — поинтересовался, не скрывая скептического настроения.

— Вам надо уехать куда-нибудь. Без телефона, без интернета. Без всего.

Ха! Уехать! А работать кто будет? Все, надо уходить. Сплошной бред и никакой пользы. Бесит!

— И куда же, по-вашему, мне ехать? — посмотрел на него снисходительно.

— Да хоть в деревню! Поближе к природе, к ее благоговеющей тишине. Свежий воздух, солнце — самое лучшее лекарство. На месяц, а лучше на два.

— Это невозможно.

— Почему?

— Работа.

— У вас нет помощников?

— Есть, но...

— Они бестолковые?

— Нет, конечно! — Бестолковым в моей команде нет места.

— Вы им не доверяете?

— Ерунда! — Своим парням верю как себе.

— Мой совет — делегируйте им полномочия и займитесь собой. Постоянный стресс, нервы — все это истончает сердечную мышцу. У людей в вашем состоянии повышается вероятность инфарктов и инсультов.

— Мне всего тридцать два! — возмутился я.

— А стрессу все равно, сколько вам.

— Может, вы мне просто выпишите какую-нибудь волшебную пилюлю, и обойдёмся без всей этой ерунды? — я устало выдохнул, жалея время, потраченное на нелепую болтовню.

— Это не исправит ситуацию в корне. Ничего не изменится, пока вы сами не займетесь своей жизнью. Скажите, у вас есть кот? Или собака?

— У меня нет времени на домашних животных.

— Жена, дети?

— Нет. Любовница... две.

— А для души? Что у вас есть для себя?

Я задумался. Кроме работы, на которой я вкалываю, как раб на галерах — у меня ничего нет. Откуда взяться коту и семье, если в семь уходишь и в полночь приходишь?

— В погоне за работой вы можете пропустить все остальное.

Его слова неприятно задели. Настолько, что даже поинтересовался:

— И сколько времени такая терапия займет?

— Столько, сколько потребуется для перезагрузки.

Уже сидя в машине, я матерился как сапожник. Тоже мне врач! Помог, мать его!

И я хорош! Поперся по кой-то хрен к этому мозгоправу! Знал же, что толка не будет! Пустая болтовня и больше ничего.

И вообще, я в порядке! Подумаешь, подвешивают некоторые вещи... немного... иногда. Да я вообще сама доброта и уравновешенность!

Пролетающий мимо голубь смачно нагадил мне на лобовое стекло, чуткие дворники тут же встрепенулись, размазали все это тонким ровным слоем и остановились.

Я замер, чувствуя, что еще миг — и все, взорвусь — поймаю этого голубя и сожру. Живьем.

Нервно жамкнул на кнопку, включающую стеклоомыватели, но ничего не произошло. Омывайка закончилась.

В этот момент затрезвонил телефон. Громко, надсадно и, как мне показалось, нетерпеливо. Замолк и снова начал трезвонить, и так минут пять, пока я не задымился.

Я был как никогда близок к тому, чтобы начать крушить все на своем пути.

Пошло оно все к черту!

Не глядя схватил с приборной панели телефон, скинул входящий звонок и набрал номер заместителя.

— Гриш, привет. Скинь мне номер того лесника, о котором ты рассказывал... Зачем? Надо... Да. Прямо сейчас.

Через минуту номер был у меня. Я колебался с минуту, прежде чем его набрать.

Ответили мне не сразу — глубокий хриплый голос проворчал:

— Слушаю.

— Я бы хотел снять вашу хижину, — сразу перешел к делу, — мне говорили, что вы ее сдаете, тем... кто хочет тишины.

— Запросто. На сколько надо?

— Как минимум месяц.

Он назвал космическую сумму, на которую можно было при желании арендовать необитаемый остров. Мужик не промах.

— Идет, — без раздумий согласился я, рассматривая узорные разводы голубинового дерьма на лобовом стекле.

— Есть некоторые нюансы, о которых я должен предупредить, — без тени смущения начал он.

— Валяй.

— Там спартанские условия. Мобильной связи нет совершенно!

— С вами-то я говорю, — заметил прохладно я.

— Вам просто повезло, я в деревню приехал, — мой сарказм пролетел мимо, мужик как ни в чем не бывало продолжал, — в самой хижине связи нет, интернета тем более.

— Великолепно!

— Есть летний душ и баня, правда, маленькая.

— Замечательно!

— Туалет на улице.

— Прекрасно!

— Электричество от генератора, с перебоями.

— Восхитительно!

— На ночь лучше топить печь. Правда, дров нет, — продолжал перечислять прелести спокойной жизни в глуши. — Газ в баллонах, надо экономить.

— То, что нужно, — злорадно ответил я, будто пытаюсь доказать самому себе и заодно этому пройдохе-докторишке, что вся эта природная терапия — полная херня.

— Зато есть собака.

— Будет с кем поговорить, — ядовито усмехнулся.

— И коза.

— Какая коза? — вот тут я немного напрягся.

— Обычная. Четыре ноги, два рога и вымя. Могу забрать в деревню, могу оставить. Вам как?

— Оставляй, — махнул рукой.

Раз уж менять вид деятельности, то кардинально. Пусть будет коза. Вымя. Туалет на улице. Пусть все будет. Так сказать, полное погружение. С головой.

Перезагрузка, как доктор прописал.

А если не поможет, я приеду к этому горе-мозгоправу и разнесу его милый кабинет в пух и прах.

Глава 1

— Проклятье! — я ударила по рулю один раз, второй, третий, беспомощно наблюдая, как стрелка датчика топлива неумолимо приближается к нулю.

Да что за напасть?!

Смеркается, вокруг дремучий лес, среди которого затерялась узкая Богом забытая дорога. До ближайшего города километров пятьдесят, а у меня бензин закончился.

Машина дернулась, захрипела и начала сбрасывать скорость, а потом и вовсе остановилась.

— Блеск!

Нагнувшись вперед, я осмотрелась по сторонам сквозь лобовое стекло.

Лес. Густой, мрачный, он плотно подступал к дороге со всех сторон. Деревья — такие высокие, что из машины неба не видать — отбрасывали длинные зловещие тени.

Я тяжело вдохнула, достала сумку с соседнего сиденья, выдернула из кармашка мобильник и попыталась включить.

— Серьезно?! — завопила в голос, когда он тихо пискнул и погас. — Разрядился?! Сейчас?!

Это уже совсем не смешно.

Что делать-то? Застряла черт знает где без бензина, без связи с остальным миром. Неизвестно когда здесь появится другая машина — может, через час, а может, через неделю.

Вот тебе и съездила на праздник! Повеселилась!

Минут пять сидела неподвижно, глядя прямо перед собой и думая о несправедливости бытия.

Ведь хотела же отказаться, остаться дома, но поддалась на уговоры подруги, неожиданно собралась и поехала. На столько неожиданно, что телефон не зарядила и машину не заправила.

Ну и кто я после этого?

Пффф. Костеря себя на чем свет стоит, вышла из машины и осмотрелась.

Машина заглохла как раз посередине изгиба. Двадцать метров вперед, и дорога делает резкий поворот. Позади такая же картина. От этого кажется, что лес обступил со всех сторон и наблюдает за мной.

Густая тяжёлая листва тихо шелестела на ветру. В воздухе пахло зеленью, теплой землей и едва уловимой сладостью лесных цветов. Каждый вдох вкусный, от избытка кислорода даже голова закружилась.

В другой ситуации я бы непременно порадовалась такому единению с природой, но не сейчас.

Сейчас мне было не по себе. И это еще очень мягко сказано.

Вытягивая шею и прислушиваясь к каждому шороху, я побрела вперед, надеясь, что за поворотом лес расступится и передо мной окажется прямая лента дороги, убегаящая к горизонту.

Неудобные туфли на высоченном каблуке больно сдавили пальцы, подол легкой юбки то и дело норовил вспорхнуть кверху, подчиняясь малейшему дуновению ветерка. Более неудобной одежды для прогулок по лесу просто не придумать.

За поворотом меня ждало разочарование: очередной изгиб дороги и сплошная зеленая стена.

С ближнего дерева плавно соскользнула большая черная птица. Взмыла, сделала надо мной большой круг и скрылась из виду. И тут мне стало жутко. Я оглянулась в сторону своей машинки, сиротливо приткнувшейся на обочине, потом еще раз посмотрела вперед на дорогу. По спине холодной волной прошла толпа мурашек.

Страшно.

Стараясь не поддаваться панике, я поспешно пошла обратно к машине. Надо забраться внутрь, запереть двери и просто ждать. Кто-нибудь да появится, найдет меня и поможет выбраться из сложной ситуации.

Сделав десяток шагов, я снова остановилась и прислушалась. Мне показалось, где-то в лесу треснула ветка, будто кто-то наступил на нее.

Осмотрелась по сторонам, чувствуя, как ширится неконтролируемый страх.

— Никого здесь, кроме меня, нет! — сердито пробурчала под нос, обхватила себя руками за плечи и снова поковыляла вперед, проклиная неудобную обувь.

Мурашки не пропадали. Наоборот, бегали толпами туда-обратно, а на загривке волосы шевелились, потому что мне казалось, будто кто-то смотрит на меня. Неотрывно наблюдает, прожигая пристальным взглядом.

Ладони взмокли, спина покрылась капельками холодного липкого пота. Растеряв самообладание, я со всех ног припустила к машине, мечтая оказаться хоть в каком-то подобии безопасности.

Когда оставалось всего пяток метров, снова раздался треск. В этот раз абсолютно отчетливый. Потом еще один. Кусты возле моей машины затряслись, затрещали, а потом расступились, и на обочину вывалился мужик.

У меня от страха ноги к земле приросли и все тело парализовало.

Он заметил меня и тоже замер, пристально всматриваясь, буквально пожирая взглядом.

Он был страшен, как черт!

Высокий, наверное, не ниже метра девяносто. Здоровенный. Одет в какие-то лохмотья. Зверская физиономия с густой растрепанной бородой. Безумный взгляд черных глаз.

А самое страшное — в руках бензопила. И держал он ее очень угрожающе.

Я пискнула, едва дыша, и попятилась, не отводя от него взгляда.

Я не хочу умирать, пожалуйста!

Тут же фантазия подкинула кровавую картинку расчле-

ненки со мной в главной роли, и стало совсем жутко.

Мужик меж тем сделал шаг в мою сторону, отчего в груди все оборвалось. В ушах звенело, адреналин зашкаливал. Я была словно натянутая струна.

Он снова шагнул ко мне, перехватывая поудобнее свое оружие, протянул вперед руку со скрученными пальцами, будто пытаюсь меня схватить и зарычал:

— Оашнуа!

Я заорала во весь голос, спугнув птиц с деревьев. Они взвились сумрачной тучей и закружились над нами, наполнив все вокруг громким гомоном.

Мужик нахмурился и снова зарычал. По-моему, он соби-
рался меня сожрать.

Обезумев от страха, я развернулась и бросилась прочь, вопя и зовя на помощь.

Полдня я провозился, воюя с повалившимся ночью кряжистый вязом. Пока распилил, пока по одному перетаскил к хижине увесистые чурбаны — измучился в хлам. Физически тяжело — зато в голове и в груди штиль и полнейшее удовлетворение. Точно уеду в деревню, в глушь, подальше от суеты. Пошлю все к черту и уеду. Заведу себе бабу деревенскую, такую чтоб кровь с молоком, чтоб она горячие избы тушила и коней на скаку подковывала. И заживем... Детей настрадаем. Троих. Нет, пятерых. Да что уж мелочится — десяток! Хозяйство заведем. Куры, утки, коровы, поросята.

Вот это я понимаю — жизнь!

Горло неприятно драло, словно кто-то битого стекла насыпал. Зря позавчера в озере столько просидел. К вечеру того же дня голос пропал, а с утра только сипы да хрипы получались, и сегодня улучшений нет. И, как назло, ни единой таблетки, только молоком теплым отпаивался.

Прикатив очередной чурбан к поленнице, с трудом разогнулся, удовлетворенно посмотрел на результаты своих трудов. Оставалась последняя ходка, поэтому снова повесил на плечо пилу и пошел обратно, туда, где покоились остатки вяза.

Едва закончил с распилом, уловил отдаленный рев двигателя. Кого это занесло в нашу глушь? Прислушался. Машина начала затихать, а потом и вовсе умолкла. Остановилась.

Я недовольно нахмурился. Кого там принесло? Грибников? Эти еще ничего — шарятся, как тени, по лесу, не шумят, даже особо не пакостят. Хотя какие грибы? Солнце уже садится! Может, это любители пожрать шашлыков? От этих вечно одни проблемы — шум, ор, мусор. А может, браконьеры?

Надо разобраться. Я хоть и не настоящий лесник, но шугнуть могу так, что мало не покажется.

Пилу поудобнее перехватил и осторожно, стараясь не шуметь, побрел в сторону, с которой доносились звуки. Тут недалеко. Три минуты ходьбы.

Вскоре сквозь просветы между деревьев показалась доро-

га. На обочине скромно пристроился небольшой черный автомобиль.

Я подкрался еще ближе, притаился за густым кустом, опустил ветку и продолжил наблюдать. Сначала ничего не происходило, потом дверца распахнулась, и из машины выскочила девушка. Нахмурилась и начала озираться по сторонам. Юбка короткая, едва зад прикрывающая, каблучищи высокие. По плечам крупными локонами струились длинные русые волосы. На грибника она совсем не похожа, на браконьера тем более. Вся такая худенькая, тоненькая, почти прозрачная. Точно не кровь с молоком, но очень даже ничего.

Она постояла возле автомобиля, а потом уныло поплелась вперед к повороту. Не знаю, чего она там ожидала увидеть, но явно разочаровалась. Плечи понуро опустила, обхватила себя руками и побрела обратно.

В беду явно попала. Машина, наверное, заглохла, и теперь бедная девочка не знает, что делать.

Надо помочь — решил я. И пошел помогать.

Ринулся, как носорог, сквозь кусты и выскочил на дорогу рядом с ее машиной. Девчонка замерла, выпучила на меня и без того огромные глаза, рот глупо открывала.

— Помощь нужна? — попытался улыбнуться и руку ей протянул.

Она попятилась. Странная какая-то. Радоваться надо, что помощник подоспел, а она только глазами хлопает.

Пилу перехватил поудобнее и шагнул к ней.

— Меня Павел зовут, — попытался выговорить, но получился только хрип, или сип, или рычание.

— Маньяк! — внезапно заорала она.

«Сумасшедшая», — рассеянно подумал я.

Девица побежала прочь на своих блестящих, словно новогодняя мишура, копытах. Неуклюже побежала, подворачивая ноги. Я стоял, продолжая наблюдать за ее побегом, гадая, когда она повалится. Десять метров, двадцать, а потом хрясь! Запуталась в своих лабутенах и рухнула на дорогу, театрально всплеснув руками.

Поморщился. Даже смотреть на это было больно. Коленки свои острые точно об асфальт ободрала. Бедолага.

Она оглянулась на меня через плечо и поползла прочь.

— Ты там как жива? — просипел сдавленно.

Получилось что-то типа «ыыыааажжжжыаа».

Она пискнула и поползла быстрее. Точно сумасшедшая.

— Ботинки сними, бестолочь, — прошептал под нос.

Конечно, Безумная ничего не услышала, продолжала ползти.

Я вздохнул и пошел за ней следом, намереваясь помочь подняться и, наконец, нормально объясниться.

При моем приближении она замычала, плюхнулась на асфальт и начала пятиться, помогая себе локтями и пятками. Тощие загорелые коленки ободраны. Тонкая, ярко-синяя юбка задралась, открывая обзор на черные кружева, при виде которых аж в пах кольнуло. Черт. Я в этой глуши со-

всем одичал, раз мимолеетного взгляда на чужие трусы хватает, чтобы кровь закипела.

Безумная мой взгляд перехватила, побелела еще побольше. Попыталась поправить юбку, снова запуталась, повалилась и истошно завопила:

— Не подходи ко мне!

— Я аочою, — снова просипел я, напугав ее еще больше.

От безобидного «я хочу помочь» в моем исполнении она заверещала, а потом обмякла и, закатив глаза, повалилась навзничь.

Да ё-моё! И что теперь делать?

Присел рядом с ней и тихо потрепал по плечу.

— Эй!

В ответ тишина. Еще потрепал, по щекам аккуратно похлопал. Девушка находилась в глубокой отключке и не реагировала ни на что.

Вот только этого не хватало. Слабоумная, твою мать. Чего разоралась-то? Вот и помогай после этого людям!

И тут я словно со стороны увидел всю картину. Лес, вечерние сумерки, никого. И тут из зарослей бородатый мужик вылезает. С бензопилой. Не говорит, только мычит. Все как в фильме ужасов. Да я бы сам обделался, окажись на ее месте. Где там у нас чокнутый мужик с пилой всех четвертовал? Надо будет опробоваться на главную роль в сиквеле.

Едва сдержал неуместный ржач. Ни черта не смешно.

Хотя нет, конечно же, смешно, но... Делать-то что теперь

прикажете? Оставить ее здесь? Сбежать, типа и не было меня тут? Так ведь мало ли что случится. Дорога абсолютно пустая, но вдруг по закону подлости кто-то появится? И во все не с благими намерениями? Ножки-то у девочки красивые, а кокетливое кружево так и притягивает взгляд, словно специально на неприличные мысли наталкивает. Кроме двуногих хищников здесь еще и настоящее зверье водится. Как-то ночью далекий вой слышал. А один раз прямо за дверью ворчание медвежье. Нет. Нельзя Безумную бросать. Никак нельзя. Пропадет.

В машину ее затолкать и закрыть? Тоже, наверное, не стоит. Придет в себя, испугается, снова истерить начнет, куда-нибудь побежит на своих ходулях, опять навернется.

Оставалось только одно — забрать ее собой.

Постоял над ней, макушку почесал, думая, зачем оно мне все сдалось, но делать нечего. Раз я ее до обморока довел, мне ее и спасать. С тяжким вздохом пилу повесил на плечо, девку с земли поднял — легкая, как мотылек — и поплелся обратно, недоумевая, как умудрился влезть в это «приключение».

По дороге в машину ее заглянул, чтобы убедиться в неисправности. Ношу свою бесчувственную пока на заднее сиденье примостил. Попробовал завести — машина даже не дернулась. Бензин на нуле. Что за бестолочь?! Залезла в такую глушь с пустым баком!

На приборной панели валялся новенький розовый смарт-

фон. Конечно же, полностью разряженный. Все в лучших традициях фильмов ужасов.

М-да. Таки придется забирать ее с собой.

Придя к такому неутешительному выводу, я выбрался из машины, достал бесчувственное тело, на всякий случай прихватил сумку, что небрежно валялась на сиденье. Дверцу запер и пошел домой — в чащу.

Ну вылитый пещерный человек, поймавший себе строптивую самку.

Самка, кстати, пахла вкусно. Легкими, явно недешевыми духами, чем-то теплым, нежным. Точно пещерный человек. Мало что напугал и в пещеру к себе понес, так еще и обнюхал хорошенько.

Снова пробило на смех. Видели бы меня приятели. Респектабельный Павел Горлов, который обычно из деловых костюмов не вылезает семь дней в неделю, теперь продирается сквозь лесную чащу. В руках незнакомая девка, которую он успел обнюхать, по бедру бьет тяжелая бензопила. На морде борода. Почему-то рыжая. Наверное, прабабка с викингом согрешила.

А жизнь-то налаживается! Прав был докторишка.

Через полчаса вдаль меж деревьев показалась неказистая избушка.

Наконец-то! Не очень-то удобно пробираться по лесу с такой ношей. Я ее пару раз едва не выронил, шаркнул о бере-

зу, да еще и в куст с крапивой случайно макнул. Пила оттягивала одно плечо, девица норовила сползти с другого. Приходилось ее постоянно поправлять, подкидывать, а потом и вовсе за задницу придерживать. Неандерталец хренов.

Задница, кстати, ничего. Мягонькая.

Навстречу мне выбежал серый взлохмаченный волкодав.

— Здорово, Бродский, — прошептал едва слышно.

Пес услышал, махнул тяжелым хвостом и радостно уткнулся носом в волосы нашей гостя. Понюхал, пару раз фыркнул, попытался облизнуть.

— Да уйди ты! — зашелестел я на него.

Здоровенная собака путалась под ногами, вообразив себя маленьким уютным котом. Стоило мне отпереть скрипучий замок и распахнуть дверь, как он вперед меня ринулся внутрь, едва не свалив с ног, и тут же сунул нос в свою миску.

Жрет больше, чем я, а толку никакого. На редкость трусливое создание.

Свою вынужденную гостью я занес в маленькую комнатку и свалил на скрипучий, покореженный от старости диван. Тот протестующе крякнул, но устоял.

Девчонка плюхнулась ничком, лицом в старую твердую, как кирпич, подушку и ни на что не среагировала — лежала, не шевелясь.

Блин, задохнется еще на хрен, а мне потом тело закапывай. Недолго думая, повернул ее лицом вверх, уложил повыше. Юбку бесцеремонно одёрнул, чтобы труселями свои-

ми не светила. Мелкие ветки из волос повытаскивал, паутину с лица небрежно смахнул. Подумал и сложил ее тоненькие ручки на груди и залюбовался. Ресницы длинные, носик маленький, аккуратный, а губы, наоборот, сочные, пухлые. Прямо спящая красавица.

Подошел Бродский и смачно лизнул ее в щеку, оставляя слюнявый след.

— Отстань! — я оттеснил его к двери, потому что лохматый явно решил забраться на диван и пристроиться у Безумной под боком.

Он уперся, заворчал, но я силой выволок его в коридор и прикрыл дверь.

Пусть отсыпается бедная. У нее сегодня такой стресс.

А какой стресс ее ждет, когда в себя придет...

Одна, в лесу, в хижине с маньяком и его огромным псом. Представляю, что она там напридумывает. Как бы бросаться не начала. Надо все колюще-режущее припрятать. Может, связать для надежности? С сомнение посмотрел на дверь, за которой спала гостя. Да ну, глупости какие-то.

Надеюсь, завтра голос вернется, а то придется ей записки писать.

Блин, кому Расскажи — не поверят.

Удивительно, но природная терапия оказалась эффективной. Первую неделю я матерился, бесился пуще прежнего и рвался домой. Меня просто ломало от невозможности связаться с остальными. Казалось, что весь мой бизнес разва-

лится к чертям собачьим, и вообще без моего участия и контроля мир пойдет под откос.

Однако ничего такого не произошло. Григорий приехал через неделю с отчетом, и оказалось, что все в полном порядке. И в следующий его приезд тоже ничего не произошло. Ребята прекрасно справлялись.

Постепенно я стал расслабляться, втягиваться в лесную жизнь. Перестал психовать, беситься по каждому поводу, сон наладился и даже чувство юмора вернулось. Ситуация с непрошенной гостьей показалась мне крайне забавной.

Ухмыльнулся и пошел к печке — надо протопить немного, а то в домишке прохладно. Я-то привык, а она ночью точно замерзнет.

Привычные вечерние дела выполнял с оглядкой: все прислушивался, не пришла ли в себя впечатлительная дама. Но она крепко так отрубилась. Я даже переживать начал. Поздно вечером, подсвечивая себе путь тусклым фонариком, заглянул в комнату, чтобы убедиться, что все в порядке, и она не окочурилась. Выяснилось, что девушка попросту спит. Свернулась калачиком, ладонь под щеку подложила и тихо сопела.

В ящике нашел старый пахнувший чем-то гаденьким плед и накрыл ее. Она во сне повозилась, не открывая глаз, натянула на себя краешек пледа и дальше спать.

Я еще немного постоял, поглядел на нее, задумчиво потирая щеку и думая о том, что мне с этим сокровищем де-

лать. Связи с внешним миром нет. Бензина, чтобы ей в бак плеснуть — тоже. Продукты только позавчера завезли, а это значит, что Григорий еще неделю не появится. Похоже, придется нам пока вместе жить.

Не знаю, радоваться этому или печалиться. Вроде иногда хочется обмолвиться парой слов с кем-то кроме Бродского. Тот, конечно, зверюга умная, но по-человечески не умеет.

С другой стороны, я в эту глушь приехал, чтобы никого не видеть. И не слышать. Потому что бесили все, абсолютно. Кто тупостью, кто наглостью, кто просто своим существованием. Надеюсь, девка не из приставучих и не будет меня доставать.

Терапия терапией, но мало ли. Вдруг снова накроет?

Павлика бесить нельзя. Павлик, можно сказать, только жить начинает.

Глава 2

Сладкая дрема не желала отступать и выпускать из своих нежных объятий. Однако я просыпалась.

Потому что пахло чем-то гадким.

Натянула на голову одеяло, пытаюсь спрятаться. Вонь стала просто невыносимой.

Что за...

Подтянула к носу тряпку, которой укрывалась, и, не открывая глаз, осторожно принюхалась. Отвратительно. Будто кого-то стошнило, а потом в эту же тряпку нагадил старый скунс. Поверх всего этого воняло псиной.

— Фу-у-у, — отшвырнула ее от себя и все-таки открыла глаза.

Лучше бы не открывала. Окружающая действительность меня не порадовала. Скорее наоборот — испугала до икоты.

Комната с низким потолком, два небольших окна на разные стороны. Все вокруг дышало старостью и убогостью. Деревянный сруб почернел от времени, местами некрасиво выбивалась пакля. В углу свалена груда какого-то барахла — старая одежда, сапоги, ватники, мешки. Из мебели лишь шифоньер древний — такой у бабушки был, пара стульев да диван, на котором я лежала. Вернее, сидела, затравленно осматриваясь по сторонам.

Как я сюда попала?!

Память услужливо подкинула радужную картинку. Лес. Дорога. Мужик. Бензопила.

Он меня похитил! Утащил в свое логово! Зачем?!

Наверное, чтобы надругаться. Конечно! Зачем еще страшному лесному бородачу могла понадобиться молодая девушка?! Надругаться, потом распилить своей чудовищной пилой и сожрать!

На спине выступил холодный пот.

Судорожно вцепилась в ворот блузки. Застегнуто. По юбку заглянула — белье на месте. На ногах туфли проклятые. Вернее, одна туфля. Вторая где-то потерялась. В остальном вроде все в порядке. Да и по ощущениям не похоже, что меня кто-то пользовал не по назначению.

Облегчения, однако, я не почувствовала. И что с того, что все на месте? Может, он не любит бесчувственных дев? Может, ему надо, чтобы орала, редела и сопротивлялась.

Холодные когтистые пальцы страха сжали сердце. Я не хочу умирать! И становиться жертвой насилия тоже не собираюсь! Надо как-то выпутываться из передраги, в которую попала по собственной тупости.

С улицы доносились размеренные удары.

Я задержала дыхание и прислушалась, пытаюсь понять, что происходит за стенами моей тюрьмы. Так ничего и не поняв, аккуратно сняла единственную уцелевшую туфельку и тихо положила ее на пол, а сама на цыпочках подкралась к окну. Густой девственно чистый лес плотной стеной подсту-

пал к небольшой полянке, на которой притаилось зловещее логово маньяка-похитителя.

С трудом перевела дыхание и подкралась ко второму окну, глянула и тут же отпрянула в сторону, потому что увидела ЕГО!

Он был в той же клетчатой рубашке, что и вчера. Рукава закатаны, открывая взору мощные предплечья, покрытые напряженными венами. Пилы нет. Зато в руках топор, которым он ловко орудовал, раскалывая большие поленья. Уверенные движения, сильные, размашистые. Хрясь! И чурбан раскололся пополам, а я едва сдержала крик, очень живо представив себя на месте несчастной деревяшки.

Неподалеку, блаженно щурясь на солнышке, лежала гигантская кровожадная псина. Когда она смачно зевнула, я смогла рассмотреть ровные ряды белых острых зубов.

Ну точно! Маньяк надо мной сначала надругается, потом разрубит и скормит своему псу. От таких мыслей перед глазами круги поплыли, и я едва смогла справиться с подкатившей дурнотой.

Откуда-то из-за дома вышла коричневая коза с длинными тонкими рогами. Она недовольно пихнула в бок собаку и пошла дальше, прихватывая то тут, то там сочную травину.

Что ж, компания замечательная, спасибо, что приютили, но надо выбираться, пока они обо мне не вспомнили.

Все так же на цыпочках прокралась к двери и попыталась ее приоткрыть. Попытка с треском провалилась — заперто!

Этот демон замуровал меня, посадил в темницу! От волнения руки мелко затряслись, и мне стоило огромного труда удержаться от воплей и истерики.

Вернулась к первому окну, в котором, кроме леса и куска поляны, ничего больше не видно, потянула за старомодную щеколду. Она сначала упиралась, а потом нехотя с легким скрипом поддалась. С улицы по-прежнему доносился размеренный стук топора, и это внушало надежду, что меня пока никто не хватится.

Медленно, буквально по миллиметру, опасаясь скрипов и скрежета, я начала приоткрывать окно. С трудом. Приходилось давить на раму и одновременно приподнимать, чтобы створки не терлись друг о друга. Спустя пять минут, за которые я успела поседеть и похудеть на пяток килограмм, мне удалось открыть чертову створку.

Желая убедиться, что меня никто не услышал, я метнулась ко второму окну. Мужик по-прежнему колот дрова, псина безмятежно спала, а коза бродила из стороны в сторону, выискивая особо вкусные листочки.

Надо выбираться из этого ада.

Меня больше всего волновал вопрос обуви. Босиком по лесу? Да я и ста метров нормально не пройду, обязательно либо порежусь, либо пятку проткну и помру, истекая кровью в Богом забытой глуши.

В куче старого барахла я раскопала жуткие вонючие тапки со смятыми задниками. Сорок пятого размера. У меня

тридцать восьмой. Я в этих галошах как в лапах буду. Но босиком еще хуже.

С трудом преодолевая брезгливость, выковырнула из кучи несколько тряпок и дырявые носки. Набила в тапки ветоши, носки натянула и померила обувь. Неудобно, но по крайней мере не сваливается, и ноги хоть как-то будут защищены.

Размеренный стук за окном стих, и я замерла, едва дыша от страха. Неужели идет?

К счастью, спустя несколько мгновений звуки возобновились. Пора! Я тут же устремила к раскрытому окну. Сначала забралась на табуретку, потом высунула в проем голову, плечи и кое-как выбралась наружу.

Мужик все так же колот дрова и не догадывался, что его пленница крадется прочь, сгибаясь в три погибели и пытаясь слиться с травой, изображая большую лохматую гусеницу.

Первые шаги дались с трудом. Ноги дрожали, сердце гудело, как ненормальное, а дыхания не хватало. Сначала ползком. Потом все быстрее, быстрее и последние метры до кромки леса я преодолела бегом, нелепо вскидывая ноги в неудобных тапках-лапах.

Отчаянный рывок, и, едва сдерживая ликование, я шмыгнула меж двух массивных стволов в спасительную тень.

Нервы были на пределе. Меня трясло так, что руки-ноги ходуном ходили, однако расслабляться и горевать не время. Вопрос жизни и смерти. В любой момент маньяк мог зайти в дом, обнаружить мой побег и броситься в погоню.

Я не имела ни малейшего понятия в какую сторону идти, но одно знала наверняка: надо уходить как можно дальше из этого страшного места.

Темный шершавый ствол послужил мне укрытием, пока я льнула к нему и, вытягивая шею, смотрела на дом, прилегающие территории, на окружающий со всех сторон зловещий лес.

На другой стороне поляны между деревьев отчетливо виднелась тропа, уходящая прочь.

Тропа — это хорошо. Тропа — это то, что надо. Она обязательно куда-нибудь выведет. Осталось только по дуге обогнуть дом вместе со всеми его чудовищными обитателями.

Пристально глядя себе под ноги, я выбирала открытые ровные места и только потом делала осторожный шаг. Побег продвигался медленно. Через каждые пять метров я замирала, как богомол, прислушивалась до рези в ушах и только потом двигалась дальше.

По-моему, прошла целая вечность, прежде чем я добралась до противоположной стороны поляны. Теперь мне прекрасно было видно всю банду: жующую козу, блаженно спавшую собаку и страшного мужчину, орудующего топором.

Я как замороженная смотрела на широкую спину, чувствуя, как липкие щупальца страха опутывают меня все сильнее. Замах, удар. Замах, удар. В этом была какая-то жуткая красота. Готовые поленья он складывал ровными штабелями под специальный навес у стены дома, стирал пот со лба

и продолжал колоть чурки.

Входная дверь в домик была распахнута, обнажая черное зловещее нутро, на перилах крыльца развешаны какие-то тряпки. Там же валялась небрежно брошенная пила.

Дольше смотреть на эту обитель зла не было сил. Я уже вышла на тропу и теперь со всех ног бросилась прочь. На волю.

Дорожка неустанно петляла между высоких деревьев, и я покорно следовала по ней, позволяя уводить себя все дальше и дальше от страшного места. С каждым шагом на душе становилось все спокойнее, и во мне крепла уверенность, что смогу выбраться из этой переделки с минимальными потерями. Но!

Очередной крутой изгиб вывел меня к высокому раскидистому кусту орешника, под которым сидел медведь и с упоением жевал то ли корешок, то ли чью-то кость.

Я столбенела. Ноги примерзли к земле, язык прилип к небу, а внутри все оборвалось.

Медведь! Медведь, вашу мать! Живой, лохматый медведище!

Он подозрительно смотрел на меня маленькими черными глазками и продолжал глотать свое лакомство. Где-то внутри этой меховой кучи зарождалось глухое рычание.

Я попятилась, в очередной раз за эти сутки прощаясь с жизнью. Потом и вовсе развернулась и торопливо пошла обратно.

Перспектива быть задранной косолапым показалась мне еще более страшной, чем возможность быть изнасилованной. Поэтому теряя тапки припустила обратно к избушке. У мужика хоть пила имелась, есть чем от зверюги отмахиваться. Если спасет — я к нему сама на колени запрыгну.

Медведь посидел, недоуменно глядя мне в спину, потом откинул в сторону обглоданный корешок, или что он там жевал, и будто нехотя, вразвалочку посеменил за мной.

Один тапок я потеряла, споткнувшись о корень, подло выглядывавший из земли. Второй тапок хлябал и норовил зацепиться за каждую кочку. Я отшвырнула его в сторону и почесала дальше в одних носках, гулко стуча пятками по утоптанной, высохшей от летного зноя земле. Медведь приближался, и его ворчание становилось все более недовольным. Если вначале он еще сомневался, то сейчас точно созрел полакомиться глупой человечинкой.

Из кустов я вылетела на полянку, где стояла избушка. Поскользнулась на траве и едва не растянулась во весь рост.

— Черт!

На мой писк мужик в клетчатой рубашке обернулся и замер с топором, занесенным для удара.

Мне было не до него, я бежала. Меня манила приветливо распахнута дверь, а сзади раздавался треск и нарастающее рычание.

Следом за мной из кустов выбрался разозлившийся косолапый.

Первой отреагировала коза. Она припустила в дом быстрее меня.

Потом волкодав встрепенулся и бросился к дверям.

Мужик оказался самым тормозным. Он пару секунд пляснул на меня и на маячившего за моей спиной зверя, потом вскинулся, не глядя отбросил в сторону топор и ломанулся следом.

Я уже заскочила внутрь, когда он достиг крыльца, одним махом перескочил через порог и захлопнул дверь, тут же опустив тяжелый засов.

Коза забилась в угол между мойкой и печью, волкодав забрался под стол, испуганно оттуда выглядывая и тихо поскуливая. Я, обессиленная от долгого бега и нервных потрясений, обрушившихся на меня за последние сутки, ничком повалилась на пол, отползла к стене и, привалившись к ней спиной, пыталась сдержать дыхание и не пыхтеть, как паровоз.

Маньяк остался у двери. Прижался к ней ухом, пытаясь понять, что происходит снаружи.

Сначала было тихо, но спустя мгновение мы услышали медвежье ворчание на крыльце, прямо за дверью. Зверь шумно приняхивался, скреб когтями по доскам, фыркал.

Развлечение не для слабонервных, поэтому мужик медленно отступил от двери. Тихо, стараясь не издавать звуков, начал пятиться, не сводя глаз с засова.

Не ожидал, извращенец проклятый?! Это тебе не девиц бесчувственных воровать! Это медведь!

Напряженную тишину нарушало только размеренное тиканье покосившихся часов, сиротливо висящих над обеденным столом, да недовольное урчание за дверью. Даже псина притихла и теперь просто затравленно выглядывала из-под стола, шевеля кустистыми бровями.

Я постаралась слиться со стеной, мимикрировать под кривые трещины, покрывавшие древесину, и привлекать к себе как можно меньше внимания озабоченного маньяка. Впрочем сейчас он был озабочен явно не мной, а происходящим за дверью. И это радовало. Может, с перепугу подобрееет и отпустит меня с миром?

Надежды надеждами, но я косилась по сторонам, подыскивая оружие для самозащиты.

Мужик тем временем в два шага преодолел эту прихожую-кухню и скрылся за дверью, такой низкой, что ему пришлось пригибаться, чтобы ни впечататься лбом в косяк.

Мое внимание привлекла почерневшая кочерга в углу и лежащий на столе длинный нож с деревянной рукояткой. Чем не оружие? Мне бы только добраться до него, пока бородача нет! Попробовала встать и не смогла — от волнения ноги совсем ослабели и не хотели слушаться. Слабачка! Вставай! Борись за свою жизнь! Пока еще есть возможность.

С трудом, опираясь на стену, я приподнялась, потом выпрямилась и, с опаской косясь на волкодава, посматривавшего на меня из-под стола, сделала первый шаг.

И тут маньяк вернулся. В руках у него было ружье и ко-

робка с патронами.

Ну все. Конец. От ружья никакой кочергой не отмашешься.

Я тихо грустно всхлипнула и медленно опустилась обратно, снова распрощавшись со своей несчастной и такой короткой жизнью.

Тем временем мой похититель звонко щелкнул затвором и покрался к окну. Я затравленно наблюдала за тем, как он осторожно глянул начала в одну сторону, потом в другую. Нахмурился. Подошел ко второму окошку — снова огляделся, почесал растерянно лохматый затылок. Потом и вовсе прилип носом к стеклу, всматриваясь в то, что происходило на улице.

Я все так же сидела на полу, прижавшись к стене и боясь ненароком привлечь к себе внимание этого чокнутого.

Но через минуту случилось то, чего я так боялась. Он обернулся, по-прежнему сжимая в одной руке ружье, и посмотрел так грозно, что у меня поджилки затряслись.

Эх, как мне захотелось опять упасть в обморок, чтобы не видеть его жуткую морду, поросшую кустистой густой бородицей.

Глаза свирепые, хуже, чем у того медведя, который меня преследовал. Здоровенный, как гора. А ручки! Вспомнила, как он ловко топором орудовал, и нервно сглотнула.

— Вроде ушел, — с сомнением произнес он, обращаясь к самому себе.

Или все-таки ко мне? Голос глухой, сиплый, будто через силу. Не знаю почему, но он поразил меня больше, чем ружье и медведь вместе взятые. Поэтому ляпнула, прежде чем успела подумать, что делаю:

— Ты же немой?! — уставилась на него, как на привидение.

— Кто сказал? — просипел он.

— Ты сказал. Вчера. Ыыываааавваааа, — изобразила его то ли мычание, то ли рычание.

Он сердито сверкнул в мою сторону яркими глазами и закинул ружье на плечо:

— Не понимаю, о чем ты. Не было такого!

— Было! — я тоже поднялась. Тот факт, что он со мной разговаривал, дал слабую надежду на возможность договориться.

— Поспорим? — демонстративно переложил ружье на другое плечо.

— Хорошо. Не было, — тотчас пошла на попятный, усмотрев в его вопросе прямую угрозу.

Он прошел мимо меня к умывальнику, где на низкой подставке стояли два ведра, накрытые эмалированными крышками. Снял с крючка на стене ковшик, открыл одно из ведер, зачерпнул воды и начал пить. Жадно, большими глотками. По кудрявой бороде покатались крупные капли.

Утолив жажду, вытер ее рукавом и снова обернулся ко мне:

— Звать как?

— Ю... — икнула испуганно, — Юля.

— Ну здравствуй, Ю-юля, — кровожадный оскал просочился сквозь бороду, — что делать будем?

Я всхлипнула жалобно:

— Отпустите меня, пожалуйста! — сложила руки в умоляющем жесте. — Я уйду и все. И никому не скажу, где вы прячетесь. Я вообще никогда никому ничего не скажу о том, что встретила такого, как вы. Пожалуйста!

— Такого, как я? — чуть склонив голову набок, продолжал на меня смотреть, ожидая ответа.

— Ну... Такого, — проямлила, чувствуя себя совершенно несчастной, — большого...

— ?

— Бородатого...

— ???

— Маньяка, — шёпотом, едва слышно.

— У-у, — протянул он, усмехаясь недобро, и начал приближаться, — а тебе не пришло в голову, что я, как истинный маньяк, и без того могу сделать так, что ты никогда ничего никому не расскажешь?

Да я только об этом и думаю с того самого момента, как впервые увидела его на дороге!

Отступить мне было некуда. За спиной стена, впереди злой бородатый мужик, который, похоже, решил воплотить в жизнь свои грязные фантазии с моим участием.

— Я буду кричать! — пропищала, когда он был уже совсем близко. Вблизи это чудовище казалось еще здоровее и опаснее.

— Кричи, — разрешил равнодушно и лапу свою поднял, намереваясь то ли ударить, то ли задушить.

Ожидая самого худшего, я съежилась, зажмурилась и приготовилась к тяжелой, мучительной смерти.

— Смотри на меня! — стальным голосом приказал он, и я не посмела послушаться.

Глаза открыла, уставилась на него как заворуженная. Врут те, кто говорит, что в такие моменты вся жизнь перед внутренним взором пролетает. Все мои мысли занимал только он.

У моей смерти жуткая борода и яркие, как летнее небо, глаза. Кто бы мог подумать...

Чумакая рука все ближе и ближе. Вот она уже в сантиметре от моего лица, мой шеи, которую он запросто переломит одним движением.

Мужик протянул руку еще ближе:

— Саечка за испуг, — щелкнул по подбородку и, насмешливо фыркнув, отошел в сторону.

Глава 3

Чего? Уставилась на него в полнейшем недоумении.

Какая еще саечка?! Он издевается надо мной, что ли? Присмотрелась подозрительно. По бородатой физиономии ничего не поймешь, сколько ни всматривайся.

Маньяк тем временем направился столу, застеленному клетчатой, протертой на углах клеёнкой, заглянул в заварочный чайник и, ничего интересного там не обнаружив, пошел к неказистому столику, на котором стояла прикрытая полотенцем посуда. Выковырнул оттуда две кружки, здоровенный термос и выставил их на стол.

Я все так же стояла на месте, боясь лишний раз пошевелиться, и наблюдала за его действиями.

Мужик плеснул в кружки заварки, потом налил из термоса кипятка.

— Садись, — кивнул на лавку, — поговорим.

Я с места не сдвинулась. Не было ровным счетом никакого желания садиться и говорить. Это же маньяк! Какие могут быть с ним разговоры?

— Я хочу уйти! — выпалила на одном дыхании и съежилась, ожидая ярости с его стороны.

Он остановился, смерил меня взглядом с ног до головы, а потом просто пожал плечами:

— Иди.

— Можно? — в сомнении покосилась на входную дверь.

— А чего нет-то? Иди!

— Но... Там медведь!

— А кому нынче легко?

Он точно надо мной издевался.

— Я его боюсь.

— Тогда не ходи.

Вот и весь разговор.

И снова я стою, руки развела, рот открыла, а что делать

— не знаю.

Псина потеряла интерес ко всему происходящему, улеглась поудобнее, и ее длинные лапы вылезали из-под стола на полкухни. Коза, до этого тихо стоявшая в углу, устала притворяться ветошью, бодро отряхнулась и, известив о своем присутствии громким «Ме-е-е», начала со шkodливым видом присматриваться к моей юбке-разлетаике.

— Не смей! — цыкнула на нее, когда она уже вытянула шею и начала шлепать губами, пытаясь дотянуться.

Коза явно оскорбилась. Голову наклонила и как-то боком на меня пошла.

— Не зли Агриппину, — просипел леший, — она дама мстительная, обид не забывает.

Да мне все равно, что она там не забывает! Моя юбка! И я никому не позволю ее жевать!

Рогатая снова на меня пошла, сурово кося карим глазом. Пришлось отступить, пятиться, пока не уперлась спиной сте-

ну.

На мое счастье, это чудовище отвлеклось на стоявшую в углу метлу — начало щипать мелкие веточки, забыв о том, что собиралось насадить меня на рога.

Хозяин этого сказочного замка тем временем уселся за стол, сложил могучие руки и снисходительно поглядывал на мои мучения.

— Чай все еще в силе, — меланхолично заметил он и потянулся за сахаром.

— Ты всегда предлагаешь чай тому, кого похитил? — нервы были на пределе, мне кажется, их звон было слышно по всему дому.

— Я тебя не похищал, — невозмутимо покачал головой мужик.

— Не похищал? А как тогда это все называется? — широким жестом обвела домишку.

— Ты отрубилась, и я счел своим долгом забрать тебя с собой. Вот и все. Мне надо было бросить тебя на дороге?

От такого объяснения я даже растерялась.

— Я отрубилась от страха, потому что ты набросился на меня с пилой! — от жутких воспоминаний по спине холод прошелся. — И мычал, как Герасим!

— Я простыл, — проворчал он, — голоса не было. Пилу просто держал в руках.

Голоса не было? Просто пила в руках? В голове не укладывалось.

— Ты запер меня в комнате.

— Там просто дверь заедает, надо поднажать, — он явно забавлялся, рассказывая мне все это, — садись. Чай стынет.

— Мне надо позвонить! — грозно произнесла я.

После того как выяснилось, что никакой это не маньяк, а просто бородатый дремучий лесник, ко мне вернулась смелость. Я даже рассердилась на него за то, что он без спроса притащил меня в эту землянку да еще и перепугал до смерти. Было с чего рассердиться! Я чуть со страху не померла!

— Звони, — он только пожал плечами.

— Не могу. Телефон разрядился!

— Тогда не звони.

Логично, черт подери! Только от этого разозлилась еще сильнее.

— Мне надо зарядить его!

— Ничем не могу помочь. Электричества нет.

— Ты бы мог... — начала я, — дать мне свой?

— Нет. Не мог бы, — покачал головой. — У меня нет телефона, а даже если бы и был, представляешь, чтобы его зарядить тоже нужно электричество. А его, как я уже сказал, нет.

Опять издевается!

— Как же ты тут живешь? — ужаснулась я. — Без света! Без связи с внешним миром?!

— У меня есть фонарь, и не один, свечи, а без внешнего мира я прекрасно обхожусь.

— Так же нельзя.

— Почему? — пристально посмотрел на меня.

— Это же каменный век какой-то! Еду ты как готовишь?

— В печи.

— А холодильник?

— У меня подпол. В нем все прекрасно хранится.

— Продукты ты где берешь? — не сдавалась в попытках найти хоть какой-то просвет во всей этой ситуации.

— Охочусь, — коротко бросил он, — на бизонов, на оленей. Мед в лесу добываю. Коза вон есть, молоко дает.

— На бизонов? — переспросила растерянно. — Здесь водятся бизоны?

— Естественно! На днях только стадо большое прошло, — кивнул уверенно и громко отпил чай, не сводя с меня пристального взгляда.

— Ты издеваешься, да?

— Юль, хватит метаться. Садись пей чай. Заодно поговорим спокойно. Меня, кстати, Павел зовут.

По привычке чуть не лягнула «приятно познакомиться», но осеклась. Ничего приятного в нашем знакомстве не было. Совершенно. Одна нервотрепка и недопонимание.

Обошла козу, увлеченно общипывающую метлу, и с опаской подступила к столу, поглядывая то на мужика, то на псину, с интересом наблюдавшую за моим приближением.

— Не бойся. Он не кусается. Только облизывать может, — утешил меня бородач.

Я нервно сглотнула и села напротив него, тушуясь под пристальным внимательным взглядом. В коленку тотчас ткнулся мокрый собачий нос.

— Ты точно не маньяк? — уточнила с надеждой, хотя и понимала всю нелепость вопроса. Ни один маньяк не признается в том, что он маньяк!

— Только если очень сильно разозлить, — усмехнулся он и, заметив, как я побелела и вцепилась в край стола, готовая вскочить и ринуться прочь, недовольно проворчал: — Пей уже свой чай!

Я послушно взяла кружку, сделала глоток, но от волнения подавилась. Некрасиво закашлялась, чай пошел фонтаном через нос, градом потекли слезы.

— М-да. Умеешь ты мужика очаровать, — ухмыльнулся дровосек и протянул мне старенькое, застиранное до дыр полотенце.

Я покраснела до кончиков волос, выхватила у него из лап тряпку и начала торопливо вытираться, а он продолжал меня рассматривать как нечто бестолковое и крайне забавное. В этот момент мне очень захотелось подойти и треснуть ему по голове. Два раза. И плевать, что после этого он меня точно прибьет.

Чай был на редкость невкусным. Словно взяли веник, которым в хлеву подметают, залили его кипятком и, даже не дав нормально настояться, плеснули в кружку. Гадость невообразимая. Но я пила, потому что боялась рассердить дрово-

сека. Даже пыталась не морщиться и не давиться, хотя очень хотелось.

Он тоже пил это пойло, и ему, в отличие от меня, оно нравилось. Наверное. Может, он хорошо притворялся, а может, ничего вкуснее этой мочи вжизни не пробовал. А вообще я не сильна во вкусовых предпочтениях лесников.

— Что ты забыла в этой глуши, Юля? — обратился ко мне бородач, голосом выделяя мое имя.

— Меня пригласили на день рождения, — невнятно пробормотала, но тут же поправилась и уже четко отрапортовала: — Поехала, но бензин забыла проверить, а он взял и закончился.

Кстати, о бензине. У него наверняка найдется немного, чтобы залить мне в бак! Хватит, чтобы доползти до ближайшей заправки. Я воспряла духом от этой мысли, но не успела даже рта открыть, бородач меня опередил:

— Бензина нет.

— У тебя же бензопила!

— Я в курсе. Как раз поэтому бензина и нет. Закончился. Вчера.

— Как закончился?

— Вот так. Много пилил. Очень много.

— Ну, может, хоть немного есть? Пара литров. Я верну! Привезу целую канистру! Две! Пять! Сколько захочешь!

— Вообще ничего не осталось, — все так же спокойно ответил он, разрушая мои надежды.

Чуть не ляпнула: а если найду?

Снова между нами повисла тишина, только часы тихо кричали, да коза хрумкала веточками, выдранными из метлы.

— И что же мне делать? — обреченно поинтересовалась я.

— Можешь пока остаться здесь, у меня.

Остаться здесь? У него? Он точно психопат! Зря я расслабилась!

Видать, физиономия у меня вытянулась так сильно, что мужик нахмурился, потом поднял глаза к потолку и потряс головой:

— Я даже знать не хочу, о чем ты там подумала.

О том, что попала в рабство! И ладно, если в бытовое!

Кружку отставила, и сама на край лавки отодвинулась, готовая в любой момент начать от него отбиваться.

— М-да, Юля, с тобой не соскучишься, — дровосек смачно почесал кустистую бороду.

— Можно я уйду? Ну, пожалуйста! — взмолилась, снова растеряв всю свою мимолетную храбрость.

— Я же сказал — иди. Никто тебя не держит.

Кивнула, встала, сделала пару шагов к двери и остановилась.

Черт. Там же медведь. Вдруг он притаился и только и ждет удобного момента, чтобы выскочить и разорвать беспечную жертву?

Медведь пока что пугал меня больше, чем странный му-

жик, поэтому, проклиная себя за нерешительность, вернулась обратно.

Павел никак не отреагировал на мой несостоявшийся побег — продолжал пить чай, закидывая в рот кубики сахара.

— Все? Паника закончилась? — поинтересовался как бы невзначай, когда я снова села напротив него. — Готова слушать?

— Готова.

А хрен ли еще делать?

— В общем, так, Ю-юля. У тебя есть несколько вариантов. Первый — берешь посох, котомку и идешь в сторону города. Сколько это займет времени — понятия не имею. Будешь двигаться вдоль дороги, может, куда-нибудь да придешь. А может, и нет... Говорят, медведи жуть какие приставучие, — бородатый хмыкнул и налил себе еще гадкого пойла. — Второй вариант. Ты можешь вернуться в машину и сидеть там днями напролет, ожидая, что по счастливой случайности кто-то проедет мимо. Тут тоже неизвестно, повезет или нет. Я, если честно, не припомню оживленного движения на этом участке пути.

Один вариант краше другого.

— Третий вариант. Раз в одну-две недели ко мне приезжают из города — привозят продукты, необходимые мелочи... бензин. Привоз как раз был за день до твоего появления, так что придётся немного подождать.

— Чего? — не поняла я.

От усталости и нервов голова совершенно не хотела сообщать.

— Руку помощи, — хмыкнул он, — там и бензина чуток перепадет, и до города, если надо, отбуксируют. Но будет это не раньше, чем через неделю, может, дней десять. Поэтому возвращаемся к тому, о чем я говорил ранее: можешь остаться у меня.

Я икнула. Не то испуганно, не то обреченно.

— Да не дрожи ты так! Я только с виду такой грозный, а на самом деле добрейшей души человек.

Угу. Я так и подумала. Вообще, первой мыслью, которая сразила меня, когда я увидела его посреди дороги, было «О, боже! Кто же этот очаровательный добряк?!»

— Комната, в которой ты проснулась, в твоём полном распоряжении. Едой, так и быть, поделюсь. Немного.

Перспектива жить с ним в одном доме в лесной глуши, пусть даже и всего неделю, приводила меня в тихий ужас.

— Я бы лучше попытала удачу с машиной, — произнесла заискивающе, опасаясь вызвать его негодование.

Павел замолчал, глядя на меня из-под насупленных бровей, а потом просто пожал плечами:

— Как хочешь, дело твоё.

— Спасибо, — сама не знаю за что поблагодарила, тут же поднимаясь, — я пойду?

— Угу, — он тоже поднялся, — можно подумать, знаешь куда идти. И опасность встретиться с медведем не миновала.

Точно! Опять я про этого проклятого медведя забыла.

— Я провожу, — бородач поднял ружье, приставленное к лавке, и направился к двери.

— Что вот так сразу? — опешила я.

— А чего ждать? У меня еще дел полно.

Внезапно поняла, что не готова покинуть эту землянку вот так сразу, налегке.

— У меня обуви нет. Одна туфля где-то потерялась, да и тапки по сторонам разлетелись, пока я от медведя улепетывала.

— Там еще полно старого барахла, — бородач кивнул в сторону прикрытой двери, — найди себе какие-нибудь галоши и пойдем.

Через пять минут мы вышли на улицу: сначала хозяин, волоча за собой козу, которая не хотела покидать дом и упиралась всеми четырьмя копытами, потом я. Псина оказалась самой благоразумной из нас и осталась внутри.

Павел затащил рогатую в хлев и тщательно запер дверь.

— Нам в ту сторону, — махнул он рукой, обозначая направление, и мы отправились в путь.

Если честно, я не верила в то, что он действительно собрался мне помочь. Все еще был жив в памяти образ мужика, выскочившего с пилой из кустов. Вдруг он, не уговорив меня остаться в своей хибаре, решил завести глубоко в лес и бросить меня там?

Паранойя набирала обороты. Я шла, не отрывая напряженного взгляда от мужчины, размеренно шагавшего впереди, готовая в любой момент броситься прочь. Нервы на пределе, натянуты как струны, а в крови кипит адреналин. Словно пороховая бочка, готовая в любой момент рвануть и разлететься в клочья.

Но, к счастью, деревья расступились, выпуская нас на дорогу. Немного поодаль уныло стояла моя машинка. Ура!

Вне себя от радости я завопила так громко, что напугала лесника. Он даже подскочил на месте. Плевать! Хлябая большеразмерными чёботами, я со всех ног бросилась к машине.

Бородач только взглядом меня проводил, пробурчав что-то похожее на «сумасшедшая».

На бегу достала брелок и пикнула замком, разблокировав двери. Суетливо распахнула дверцу и юркнула в салон. Лелея детскую надежду на чудо, попробовала завести двигатель. Конечно же, безрезультатно. Машина хрюкнула и заглохла, немного гася мою радость.

Тем временем лесник подошел ближе и постучал по окну, вынуждая меня опустить стекло. Сказать по правде, очень не хотелось этого делать, я, наоборот, еле удержалась, чтобы не нажать кнопку блокировки, создавая иллюзию безопасности. С другой стороны... Он же все-таки помог, вывел меня из глуши, как и обещал. Да и вообще ничего плохого не сделал. Разве что перепугал до смерти, довел до обморока, ута-

шил без спроса в свою глухомань

Я все-таки набралась смелости и нажала кнопку стекло-подъемника. Бородатый нагнулся, оперся локтями на дверцу и глянул на меня, слегка вскинув густые, темные брови:

— Думаешь, ночью медведь приходил и бензина тебе в бак плеснул?

— Я должна была попробовать.

— Ну и как? — в ярких глазах светилось что-то, очень похожее на насмешку.

— Увы и ах, — я попробовала улыбнуться.

Надеюсь, со стороны это не выглядело так, будто у меня щеки свело.

— Ты все еще хочешь здесь сидеть? — Павел с сомнением обвел взглядом салон автомобиля.

— Да, конечно! — я тут же согласилась. — Скоро кто-нибудь появится, и мое приключение закончится.

Он только поморщился.

— Я бы не рассчитывал на такое везение. Здесь машины раз в неделю бывают.

— Уверена, мне повезет!

Бородач скептически покачал головой, но убеждать в обратном не стал, только произнес ровным тоном:

— Мое предложение все еще в силе. Можешь остаться у меня.

Мне не терпелось избавиться от его общества, поэтому:

— Спасибо... за помощь. Но дальше я сама.

— Как знаешь, — мужик выпрямился и отступил от машины, — ну, я пошел?

Зачем спрашивать? Иди! Чем скорее ты скроешься в своих дебрях, тем быстрее я приду в себя и забуду нашу встречу, как страшный сон!

— Счастливо оставаться, — ответила ему с прохладцей в голосе и снова нажала на кнопку, поднимая стекло.

Бородач еще постоял несколько секунд рядом с машиной, зачем-то обошел ее вокруг, кивнул удовлетворенно, направился в лес и через пару мгновений скрылся между деревьев.

Ура! Я не могла поверить своему счастью. Неужели он действительно меня отпустил? Неужели я выбралась из этой передраги живая и невредимая?

Ну, почти выбралась.

Перспектива сидеть в салоне и ждать проезжающую машину меня не пугала. Это гораздо лучше, чем находиться поблизости с бородатым маньяком. В общем, жизнь прекрасна. Кто-то точно родился в счастливой рубашке.

Преисполненная самых радужных ожиданий, я уселась поудобнее, достала из бардачка журнал и настроилась на быстрое избавление от проблем.

Через час журнал кончился, и мой энтузиазм пошел на убыль. Я посидела, посмотрела в окно, понаблюдала за таракашкой, ползшей по лобовому стеклу. Потом начистила приборную панель специальными салфетками.

Выходить наружу не было желания, но еще через час спина затекла и попа стала квадратной, поэтому нехотя выбралась из салона и, чтобы хоть как-то скоротать время, начала разбираться в багажнике, тревожно прислушивалась, в надежде услышать вожаденный рокот приближавшегося автомобиля.

Тишина.

Вскоре захотелось есть и пить. И писать.

Если с последним проблем не было, то вот с едой и водой возникли определенные трудности. В машине нашла маленькую бутылочку минералки, о которой напрочь забыла. Из еды — только немного орешков, сиротливо покоившихся на дне блестящего пакетика. Я брала их в дорогу и почти все умяла, не предполагая, как затянется моя поездка.

Ладно. Будем считать сегодняшний день разгрузочным.

Стараясь не выхлебать все за раз, я изредка прикладывалась к бутылочке, позволяя себе лишь несколько скромных глотков.

Еще через пару часов голод разыгрался так, что в животе начались болезненные спазмы. А что самое ужасное, мне казалось, будто из чаши леса за мной кто-то наблюдает. Возможно даже старый знакомый медведь. Поэтому снова забралась в машину, заблокировала двери и тревожно осматривалась по сторонам.

Помощь так и не появилась, хотя уже начинало смеркаться. И я внезапно поняла, что передо мной открываются пре-

красные перспективы провести ночь в гордом одиночестве посреди леса.

Время шло. Тени становились длиннее и гуще, заросли наполнялись шорохами, мимолетными движениями, дыханием дикой природы.

Я сидела, как совенок — выпучив глаза, вцепившись в руль и изо всех сил стараясь не запаниковать. Хотя очень хотелось.

Еще пореветь хотелось. От обиды, страха и несправедливости. Я просто хотела навестить подругу и отдохнуть! А застряла в лесу, и помру от голода или зубов кровожадного медведя. Ну или от холода.

Погода портилась на глазах. Вечернее небо быстро затягивало мрачными облаками, поднимался ветер, сердито кидавший пыль и листья в лобовое стекло. Становилось все холоднее, и вскоре прогретая солнцем машина начала остывать, и я вместе с ней.

Короткая юбчонка совершенно не грела, да и от майки толку никакого. Как назло, в машине не оказалось ни кофты, ни пледа. Вообще ничего, что могло бы согреть.

Ноги под себя подобрала, руками обхватила плечи и с тяжелым вздохом снова уставилась на хмурый лес за окном.

А где-то далеко тепло, есть свет, еда и удобная постель...

Как ни старалась быть сильной и достойно встретить трудности, губы все-таки начали дрожать, а глаза подозрительно защипало. Слабачка!

И только я собралась хорошенько прореветься — с завываниями, картинным заламыванием рук, выдиранием волос из бестолковой головы, как из кустов снова появился знакомый дровосек, в этот раз в потрепанной серой куртке и резиновых сапогах.

Стоило мне его увидеть, как слезы мигом пропали, и в груди всколыхнулось что-то очень похожее на восторг. Живой! Человек! Здесь! И плевать, что он лохмат, как черт, и выглядит словно сбежавший из зоопарка зубр.

Он остановился, уперев руки в бока и хмуро глядя на меня, а потом решительно пошагал к машине. Наблюдая за его приближением, я думала о том, впервые в жизни так радуюсь практически незнакомому человеку. Если бы он был не так могуч, свиреп и бородат, я б, наверное, на шею ему кинулась с дикими воплями и истеричным смехом.

Конечно, я никуда не кинулась. Продолжала сидеть, обхватив себя за плечи, и только взглядом за ним следила. А когда Павел подошел к автомобилю со стороны водителя и отрывисто постучал в окно, суетливо нажала на кнопку.

Мужчина подступил чуть ближе и прошелся въедливым взглядом по моему расстроенному лицу. Видать, увиденное его не порадовало, потому как он нахмурился еще больше и, не скрывая сарказма, поинтересовался:

— Как жизнь? Как настроение?

Я только шмыгнула носом и неуверенно дернула плечами.

— Голодная? — Вместо меня недовольным урчание отве-

тил живот. Пашин взгляд немного смягчился.— Все с тобой ясно! Вылезай!

— Зачем?

— Затем! Домой пошли.

— Куда домой? — я подтормаживала. Наверное, от голода.

— Ну не к тебе же, — дровосек отступил от машины и решительно махнул рукой, — выходи.

Я покачала головой и сильнее в руль вцепилась.

— Мне опять тебя силой тащить? — хмыкнуло это чудовище.

— Не надо.

— Тогда вылезай и пошли. Я не кусаюсь.

Самое смешное, я прекрасно это поняла пять минут назад, когда он шагнул из кустов. Этот странный человек вернулся за мной, хотя не обязан был этого делать. Он просто пришел. Не смог оставить на произвол судьбы маленькую глупую девочку, которая решила, что стоит ей только захотеть и помощь прилетит. Хотя... Она и прилетела, только совсем с неожиданной стороны.

Откинув в сторону нелепую гордость, я закрыла окно, вылезла из машины и, обхватив себя руками, в растерянности посмотрела на него.

— Замерзла? — хмуро спросил он.

— Да, — отпираться не было смысла. Меня с головой выдавали трясущиеся коленки и синюшные губы.

Бородач недовольно покачал головой и начал растягивать куртку, потом накинул ее мне на плечи. Она закрывала меня почти до колен, а рукава пришлось закатать, чтобы выпустить на свободу руки. Сразу стало тепло и хорошо. И даже плевать, что она пахла сараем, то ли сараем, то ли сеновалом, то ли еще не пойми чем.

— Лучше? — Павел пристально наблюдал за моей реакцией.

Я слабо улыбнулась:

— Да. Спасибо.

Едва мы ступили под сень раскидистых деревьев, как мой дровосек зажег большой фонарь. Яркий луч света скользил впереди нас, освещая дорогу, и я пристально вглядывалась под ноги, чтобы не упасть, а когда все-таки спотыкалась, молча шла дальше и не жаловалась.

Маленькая избушка встретила нас едва заметными отсветами, пробивавшимися из-за занавесок, и я не смогла удержать вздох облегчения.

Пришли!

Поднявшись по скрипучему крыльцу, Павел распахнул передо мной дверь и кивком пригласил войти внутрь.

Опасения опять всколыхнулись, но в этот раз я не дала паранойе разыгаться и просто перешагнула через порог. Здесь всяко лучше, чем одной посреди леса!

Стоило мне сделать первый шаг, как меня едва не повалил на пол большой лохматый волкодав. Он радостно бросился

ко мне и начал прыгать, норовя лизнуть в нос.

— Да-да, я ее привел, — проворчал мой спаситель, оттесняя пса в сторону, — смотри не обделайся от радости.

Волкодав был счастлив. Он продолжал крутить хвостом и скакать из стороны в сторону, подлетая ко мне, то к Павлу.

Приятно, когда тебя так встречают, даже если это незнакомая псина, которую ты видишь второй раз в жизни.

— Мне бы умыться, — скромно созналась я.

— Вон умывальник. Вода есть, правда, холодная. Могу кипятка плеснуть, чтоб подогреть. Полотенце... — он на миг задумался, — сейчас дам.

Со скрипом выдвинул верхний ящик у покосившегося комода и достал какую-то тряпку. Я покорно ее взяла, поблагодарила хозяина и пошла к эмалированной раковине, притаившейся в углу.

Старый умывальник поверг меня в легкий ступор — емкость с пипочкой снизу. Рядом к стене привернула мыльница, на которой поился коричневый обмылок.

М-да. Я думала, такое только в глухих деревнях осталось, в прошлом.

Павел, как и обещал, принес ковш горячей воды и плеснул его внутрь умывальника.

— Живее давай, а то опять остынет.

Дважды меня упрашивать не пришлось. Я чувствовала себя очень грязной, очень пыльной, и возможность неприятной водной процедуры приводила меня в дикий вос-

торг. Намылила лицо, руки, шею. Смыла и еще раз намылила, возомнив, что я в своей квартире с централизованным водопроводом. В общем, вода закончилась, а я по-прежнему стояла зажмурившись, отплевываясь от мыльной пены.

И что теперь?

Признаваться в том, что я спустила всю воду и не смогла нормально умыться, почему-то было стыдно. Поэтому подергала еще пипочку, в надежде выдавить еще несколько капель, потеряла лицо в надежде избавиться от пены. В итоге начало щипать глаза, причем так сильно, что, не сдержавшись, зашипела от боли. Хорошее мыло, ядреное. А уж вонючее!

— Что ты там пыхтишь? — поинтересовался голос совсем рядом.

Деваться некуда, пришлось признаваться:

— Вода закончилась.

— Так сказала бы! — проворчал он.

Раздались шаги, плеск воды, и я снова была спасена бороатым дровосеком.

Остатки мыла смывала экономно, старалась не пролить ни капли мимо. Еще раз позориться перед хозяином не хотелось. Вытерлась жесткой тряпкой и в нерешительности топталась на месте, не зная, что делать дальше.

— Садись, — Павел тем временем выставил на стол тарелку, полную похлебки. Овощи, картофель, солидный шматок мяса. У меня аж слюни потекли.

Господи! Как я проголодалась!

Мне казалось, я в жизни ничего прекраснее ела. Вроде так просто, без изысков, но так вкусно, горячо, ароматно, что уплетала за обе щеки.

Хотелось, конечно, сделать это красиво и элегантно, как истинная леди, но голод подгонял, заставляя орудовать ложкой гораздо быстрее, чем обычно. При этом не забывала наблюдать за хозяином.

Дровосек тем временем налил чай в две кружки, себе и мне, достал из кухонного ящичка пакет с поломанным печеньем и сел напротив.

— Сильно ты проголодалась, — он с усмешкой смотрел, как я подгребаю остатки еды, тщательно скребя по дну металлической тарелки.

— Вчера днем ела. Перед тем как в дорогу отправиться, — прошамкала, блаженно облизывая ложку и поглядывая по сторонам в поисках добавки.

Еще бы столько же. Да в два захода!

Потом все-таки решила, что на ночь много есть вредно, и со вздохом отложила ложку в сторону.

Впереди ждал чай. Мерзкий, вонючий с неприглядного вида печеньем. Но в свете последних событий это не казалось уже такой уж катастрофой. Наоборот, набив живот, я подобрела, перестала трястись и вздрагивать, и паника, которая держала с удушающих объятий, погасла. Такое чувство, словно охмелела от сытости и теперь могла только хлопать глазами и блаженно улыбаться, сложив руки на пузике.

На сытый желудок и дом казался не таким зловещим, и лес не таким дремучим, и вся эта ситуация не такой кошмарной. Да и сам дровосек не такое уж и чудовище, как показалось изначально.

А что? Видный мужик. Высокий, сильный. Невольно взглядом скользнула по мощным плечам, по рукам с четко проступающими венами, по широкой груди. И глаза у него красивые, яркие, словно летнее небо. Бороденку в порядок привести — и вообще цены ему не будет. Пришлось поспешно отворачиваться, чтобы бы он не заметил усмешку, которая отчаянно рвалась наружу.

Хотя ерунда все это. И бороденка, и цвет глаз. Это не главное.

Что по-настоящему меня в нем покорило, так это забота. То, как он пришел за бестолковой истеричной дамочкой, хотя вовсе и не обязан был это делать. Пришел, забрал в свой дом, накормил. Это подкупало. Я вот знаю некоторых мужиков, которые палец о палец в такой ситуации не ударили бы, еще и сказали бы с видом умудренного опытом философа «сама виновата».

Меня точно от сытного ужина развезло! Глупости всякие в голову лезут!

Псина тем временем тыкалась мне в колени холодным носом.

— Он сладкоежка. Печенье клянчит. Не давай, а то потом не отвяжется, — коротко сообщил хозяин, с укором посмат-

ривая на пса.

— Хорошо, — согласилась я и украдкой все-таки сунула волкодаву обломок печеньки, за что тут же была восторженно обслюнявлена.

К концу нашего молчаливого ужина я начала откровенно клевать носом. Усталость, стресс навалились в полную силу, хотелось только одного — свернуться клубочком на лавочке, прикрыть глаза и уснуть.

— Можешь устраиваться в той же комнате, где ночевала сегодня, — дровосек кивнул куда-то в сторону, — к сожалению, шелковых простыней нет.

— Плевать, — только рукой махнула, поднимаясь из-за стола. Мне сейчас хоть соломы клочок и то рада буду.

Уже в дверях остановилась и, развернувшись к нему лицом, искренне произнесла:

— Спасибо, что вернулся за мной.

Павел только плечами пожал:

— Не за что, — а потом меланхолично добавил, — дверь на ночь советую прикрыть.

— Хорошо, — покорно согласилась я и уже через три минуты, едва коснувшись головой подушки, заснула.

Глава 4

Ночью было прохладно. Иногда, выплывая из тревожной дремы, я натягивала на себя повыше колючее, дурно пахнущее одеяло и, чтобы не думать о проблемах, быстренько снова засыпала. Сначала снилась какая-то серая тревожная мусть, а потом приснился сон. Будто кто-то большой, сильный (а главное — теплый) пришел и согрел меня. Хороший сон, приятный и такой реалистичный — мне действительно стало тепло, уютно, и до утра я больше не просыпалась.

Разбудила меня одна наглая коза, которая встала под моим окном и громко, изо всей козлиной мочи орала. А мне, между прочим, снился принц на белом коне, спасающий меня от дракона! Дракон почему-то был с густой рыжей бородой, а принц размахивал не мечом, а бензопилой, но это мелочи, все равно приятно, когда тебя спасают.

Я изо всех сил попыталась ухватиться за чудесный сон и провалилась в него обратно.

— Я спасу тебя, моя прекрасная Джулия, — томным голосом пообещал принц, мужественно заслоняя меня от кроважадного дракона, — мы уедем к морю, в мой сказочный замок.

— Да! — завопила я, уже представляя, как стою в роскошном платье на балконе с мраморными перилами и умиротворенно смотрю на волны, мерцающие в лучах заката.

— Мы будем любить друг друга вечно.

— Да! — к моим балконным грезам добавился восхитительный мужчина, глядящий на меня с обожанием.

— Наши ночи будут полны страсти.

— Да! Да! Да!

Дракон в моем сне не торопился нападать, задумчиво почесывая кустистую бороду и накручивая лохматые усы на кривой коготь, а принц продолжал вещать:

— Я отнесу тебя в спальню на шелковые простыни. Медленно сниму с тебя платье.

Можно и быстро! Я и так уже готова упасть в твои объятия!

— Буду тебя целовать, а потом...

— Что потом? — с придыханием, чувствуя, как кружится голова.

— Потом бе-е-е-е-е!

— Чего?! — сон закрутился стремительным вихрем.

— Бе! — коротко ответил принц и ускакал в поле, задорно подпрыгивая на ходу.

Я ошалело распахнула глаза, теряя осколки сновидения.

Под окном надрывалась Агриппина, будь она неладна. А еще... В постели со мной кто-то был. Лежал за спиной, закинув на меня тяжелую лапищу, и размеренно дышал в затылок.

Проклятый дровосек! Все-таки решил воспользоваться моей слабостью и беззащитностью! И я хороша! Вчера уши

развесила, наелась до одури, расслабилась, подумала, что в нем есть что-то нормальное, человеческое. Дура!

«Все-таки маньяк!» — пронеслось в мозгу, когда он сильнее прижался ко мне, и едва сдержалась чтобы не вскочить на ноги, словно ошпаренная.

Пока соображала, что делать, как спасти свою жизнь и девичью честь, лесник понял, что я проснулась. Заворочался, зевнул и как-то совсем не целомудренно засопел мне в ухо. Я ощущала его дыхание на волосах, шее, плече. От страха начало трясти, а по коже бегали гигантские мурашки, которые не имели ничего общего с возбуждением. И тут я почувствовала, как он касается губами моего плеча. Потом еще раз и еще.

Меня словно парализовало от ужаса, хотела закричать, да голос пропал. Мной явно собралось воспользоваться как женщиной, а у меня даже не было сил бороться! Липкой паутиной обволакивала апатия, подавляю волю.

Так, надо взять себя в руки, собраться духом и оказать отпор. Пинаться, лягаться, по возможности нанести непоправимый урон где-нибудь в области паха, чтобы у него глаза на лоб от боли повыскакивали! И в глаз, кстати, тоже можно тыкнуть! Дважды! Чтобы черт этот лохматый ослеп! Воспользоваться этим и сбежать! В лес! К машине! И плевать на медведя! Если попадется — ему тоже напинаю так что мало не покажется. Все! Я разозлилась! На счет три начинаю битву не на жизнь, а на смерть.

Раз...

Два...

— Зря ты дверь на ночь не закрыла, — раздался насмешливый голос от дверей.

Задержав дыхание, медленно перевела взгляд на Павла, стоящего на пороге. Он вытирал полотенцем сырые взлохмаченные волосы, а в густой бороде притаилась улыбка.

— Ты там? — задала единственный вопрос, на который хватило сил.

— Где же мне еще быть?

Скосила взгляд за спину, откуда снова раздавалось размеренное сопение.

— погоди, ты думала, что это я к тебе ночью пристроился? — бородатый глянул так, что я краской залилась.

— Ну... — подходящих слов не нашлось.

Он правильно истолковал мое нечленораздельное мычание, страдальчески поднял глаза к потолку, покачал головой и вышел обратно в кухню-прихожую, приговаривая себе под нос:

— Дурна девка-то, ой дурна-а-а...

Давно я себя такой идиоткой не чувствовала.

Пыхтящее за моей спиной чудовище широко, громко зевнуло, потянулось и, вытянув все свои четыре длинные лапищи, бесцеремонно столкнуло меня на пол. Я только крикнула, плашмя приземлившись на грубые доски.

Бродский свесил морду с дивана, посмотрел на меня снис-

ходительно, слабо вильнул хвостом и снова улегся, зарывшись под одеяло. Диван под его здоровенной тушей протестующе заскрипел.

— Сволочь ты блохастая! — произнесла с укором, поднимаясь на ноги.

Псина сделала вид, что не понимает моих претензий, и притворилась спящей.

Как я теперь мужику этому бородатому буду в глаза смотреть? А?

Со стыда была готова провалиться сквозь землю. Вот я все-таки молодец! Огонь девка! А уж какая затейница — словами не описать. По крайней мере, цензурными.

С улицы донесся очередной вопль Агриппины.

— Да заткнись ты! — прошипела себе под нос и, набравшись храбрости, вышла из комнаты.

Мужчина встретил спокойным взглядом, но на долю мгновения мне показалось, что в кудрявой бороде проскочила усмешка. От этого снова стало горячо щекам, поэтому я поспешила к умывальнику. К счастью, он был полный, и я тут же начала умываться. Студеная вода приятно холодила кожу — то, что надо, чтобы смыть остатки яркого стыда.

Дровосек тем временем ухватом достал из печи закопчённую кастрюлю.

— Помочь?

— Не надо, я сам, — коротко ответил он, выставя ее на специальную доску, — тут сноровка нужна, иначе мигом

обваришься.

С помощью большой неказистой прихватки он приподнял крышку и заглянул внутрь. В кастрюле сердито булькала каша и, судя по запаху, она безнадежно пригорела. Вместо того чтобы расстроиться, Павел улыбнулся и, перехватив мой недоуменный взгляд, просто пояснил:

— Поверь, это гораздо лучше, чем обычно получается.

В полной тишине мы позавтракали горелой кашей, отполировали все это вонючим чаем с деревянным печеньем, после чего хозяин роскошного лесного бунгало отправился на улицу колоть дрова, а я вызвалась помыть посуду.

Дурища!

Здесь не было горячей воды и средства того самого, капли которого хватает отмыть гору тарелок. Зато была бочка на улице, полная дождевой воды, металлический ершик и склизкая тряпочка с куском хозяйственного мыла. Ах да, еще покосившийся тазик. И коза, решившая во что бы то ни стало добраться до моей юбки и попробовать ее на зуб.

Действие, которое дома занимало всего пару минут, превратилось в долгий и утомительный процесс. Пришлось набирать воды в таз, в нем все замачивать, мылить, смывать. Снова набирать воды, полоскать. И если с тарелками проблем не возникло, то вот пригоревшая кастрюлька стояла мне двух ногтей.

Агриппина, уставшая от общества лохматого волкодава и не менее лохматого мужика, решила, что нам, девочкам,

надо держаться вместе и вообще просто необходимо подружиться. Поэтому не отходила от меня ни на шаг, совала свой любопытный нос везде — то из тазика мыльного хлебнет, что уже чистую тарелку оближет, то тряпку попытается проглотить.

Я измучилась, пытаюсь ее отогнать. Все намеки она игнорировала. Я ее и отталкивала, и за рога пробовала оттащить подальше, и ругала. Бесполезно. Несносная козища продолжала топтаться рядом и на все мои гневные возгласы глубокомысленно отвечала:

— Бе-е-е!

— Зараза, — шипела я, заново перемывая тарелку, которую она облизала, — иди отсюда!

И, воспользовавшись тем, что рогатая что-то выискивала среди травы, брызнула на нее водой. Такого нахальства ее тонкая ранимая душа выдержать не смогла. Она ни с того ни с сего взвилась на дыбы, став почти одного роста со мной.

Я даже охнула и попятилась, когда зверюга пошла на меня, грозно опустив голову. Пятилась, пятилась, пока спиной в стену дома не уперлась, а она продолжала на меня идти.

— Кыш отсюда! Брысь! — махнула сырой тряпкой, которую до сих пор в руках сжимала. Брызги снова полетели в козью морду, разозлив ее еще больше.

Она подскочила ко мне и со всей своей козьей дури, впечатала меня в стену.

— Ох, — только и смогла я выдохнуть.

Вроде и не больно, но чувствительно. Синяк точно останется. Но больше меня волновало, что она уперлась всеми четырьмя копытами и продолжала давить, прижимая меня к стене, и никак не получалось ее оттолкнуть и выбраться на волю.

— Да отпусти ты меня! — гаркнула на нее.

Эффекта снова ноль, она только сильнее уперлась, вдавившись из стороны в сторону головой мотать начала, было очень неприятно.

Я терпела, пыхла, боролась с ней, но по-прежнему оставалась прижатой к шершавой стене. В общем, это был неравный бой между козочкой и мной. Я бездарно проигрывала ей в этой схватке.

— Пипа, отпусти нашу гостью, — раздалось откуда-то сбоку.

Дровосек стоял возле бочки, из которой я набирала воду, и мыл руки, весело посматривая в нашу сторону. Естественно, рогатая и не подумала его слушаться — продолжала припиливать меня к стене.

Павел не торопясь умылся, по-медвежьи тряхнул головой и только после этого направился к нам. Не церемонясь, взял козу за рога и легко оттащил ее в сторону, а заодно и по костлявому крупу шлепнул, когда она снова попыталась развернуться ко мне:

— Иди гуляй.

Я поморщилась, потерла бедро и подошла к своему спа-

сителю. Сколько раз он меня уже вытаскивал из неприятностей? А ведь мы едва познакомились.

— Спасибо, — произнесла с тихим вздохом, — ты снова меня спас.

— Ты приглянулась этим обормотам. Они обычно на гостей внимания не обращают, а к тебе прямо липнут.

Вот счастье-то привалило! Я бы с радостью обошлась без такого внимания — один слюнявит и на ухо пыхтит, другая рогами куда ни попадя тыкает.

Только я открыла рот, чтобы сказать, какие они у него милые и замечательные, как сзади мне прилетело. Рогами да по мягкому месту. Козища эта поганая разбежалась и рогами мне в зад засадила.

Я покачнулась и, не ожидая такой подлянки, повалилась вперед, прямо в руки дровосека. Надо ему отдать должное, не растерялся, сразу поймал.

Правда, отпускать почему-то не торопился. Да и я замерла, чувствуя, как у меня под ладонями размеренно бьется сердце.

Эх, я и одичал в лесу. Эх, одичал!

А как иначе объяснить свою реакцию на бедную гостью, которая словно перезревшая груша упала мне в руки? Схватил, а отпускать и не хочется.

Такая прямо вся ладненькая. Такая мягонькая в нужных местах. Живота нет, талия перегибистая. Сверху хорошо, да

и снизу неплохо.

Сначала действительно ловил, без злого умысла. Руки расставил, как истинный рыцарь, спаситель хрупких дев. Подхватил очень удачно — чуть ниже талии, а потом уж и отпускать стало жалко.

Кровь моментально закипела и устремилась куда-то не туда, от мозгов вниз. Наверное, долгое воздержание сказалось. Сколько я уже тут в лесу торчу? Три месяца? Да у меня таких перерывов даже в юности не было, когда еще только во вкус входил.

Гостя тоже не спешила вырываться. Сначала испуганный взгляд вскинула, замерла, а потом как-то обмякла, повиснув у меня в руках.

Тишина такая, хоть режь. Даже проклятый дятел, который с утра без устали дубасил кривой дуб, и тот заткнулся. Между нами с Юлей что-то странное творилось — глаза в глаза, и все остальное на заднем плане, будто в пелене. Я бы, наверное, так и продолжал ее сжимать в объятиях до самой ночи, но она очнулась и первая вырвалась из плена наваждения:

— Я нечаянно... — промялила девушка, высвобождаясь из моих рук, потом обиженно указала на Агриппину — Меня коза толкнула.

Та в ответ срыгнула жвачку и принялась ее невозмутимо пережевывать.

— Я предупреждал, что ее злить не надо, — я спрятал руки за спину, чтобы не было соблазна снова вцепиться в

Юльку, — она у нас дама с норовом.

— Да уж, — под моим взглядом гостя смутилась. Заправила за ухо прядь светлых волос и отвела взгляд в сторону.

Снова неловкое молчание. Не знаю, о чем думала она, а я вот точно не о том, что надо бы пойти и расколоть оставшиеся чурбаны. Все силы уходили на то, чтобы не пялиться на нее, блаженно капая слюной на примятую траву.

Она была права. Я маньяк.

— Ладно, я дальше работать, — с кислой улыбкой начал от нее пятиться, стараясь держать взгляд на уровне лица. Выходило из рук вон плохо.

— А мне чем заниматься? Посуду помыла, — Юлия махнула в сторону тарелок, выставленных на завалинке. Потом без особого энтузиазма предложила, — Может, мне пока убрать-ся в доме?

Мне очень хотелось побыстрее спрятаться за работой, поэтому я тут же ухватился за ее предложение:

— Отличная идея! Вода в бочке. Тряпку сама найдешь. Все, я ушел.

Интересно, это только меня накрыло или ее тоже задело?

Чтобы отвлечься от непрошенных мыслей, снова схватился за топор и со всей дурацкой мочи бахнул по чурбану. Тот только крикнул жалобно, дескать, мужик, ты чего, я не виноват, что у тебя три месяца воздержание было, а теперь выиграло в одном месте. Снова замахнулся и бахнул еще раз, так что деревяшка разлетелась на две части.

Полегчало, но совсем чуть-чуть. Следующий!

Так и отвлекся, продолжая размахивать топором. Устал, как старая лошадь, зато все лишнее из головы ушло. Хорошая разминка, гораздо полезнее, чем в тренажерке в пустую штангу таскать. Я за все годы, что ходил в спортивный клуб, не был в такой форме, как сейчас. Ни жирины лишней, одни мышцы, причем не перекаченными пузырями, а как надо и где надо. Чистый воздух, тишина и физические нагрузки творят чудеса, да и лишнего жру я сейчас меньше.

И мысли опять в сторону Юльки вильнули. Интересно, а ей нравятся крепкие мужики? Должны нравиться!

Рукава закатал, пуговицы на рубаше расстегнул. Зачем? Понятия не имею. Так, на всякий случай. На цыпочках подкрался к углу, осторожно выглянул и тут же юркнул обратно.

Юлька драила крыльцо. Согнулась в три погибели и тряпкой по доскам возила. Неумело, кстати, тят-ляп, только брызги в стороны летели. Видать, хозяйка из нее так себе, но это и не важно, нам с ней до старости не жить, детей не растить. Меня больше волновало не то, что она делает, а как.

Снова осторожно выглянул, впившись взглядом в девичью фигурку.

Разве ей никто не объяснял, что в юбке нельзя ТАК нагибаться? Вдруг у меня сердце слабое? Легкая ткань развивалась на ветру, то и дело оголяя ровные загорелые ноги чуть выше, чем следовало. В какой-то момент мне даже показалось, что мелькнуло черное кружево.

Так и вправду маньяком можно стать!

Глянул на нее еще раз, выругал про себя и решительно направился обратно к поленнице.

Вот ведь напасть! Свалилась на мою голову! Жил себе спокойно, нервишки лечил, а тут на тебе, пожалуйста!

Черт! Где мой топор! Мне срочно нужно отвлечься!

Глава 5

Весь день прошел под девизом: нам баб не надо, дрова подавай!

Сначала колол, потом складывал, потом перекладывал. Потом сходил пообедал, посмотрел, как она обмахивается ладошкой, сдувает с потного лба волосы, а светлая майка липнет к груди — вернулся к поленнице и переложил все еще раз.

Это просто навязчивая идея какая-то. Чем больше пытался запретить себе думать о Юльке, тем настырнее она лезла в мысли. Вдобавок казалось, что руки до сих пор помнили тепло ее тела, мягкие изгибы. Глаза прикрою и, мерещится, что она рядом.

Надо больше дров! Если так и дальше будет продолжаться, то пойду лес валить.

Гостья, как назло, хотела быть полезной, развела бурную деятельность и постоянно попадалась на глаза. Сначала ковер старый вытащила, повесила его на сук и попыталась выбить длинной палкой. В результате начала чихать, да так, что зверье распугала, Бродский так точно обделался со страху — забился под куст и, тихо поскуливая, беспомощно на меня поглядывал. А я что сделаю? Разве что носовой платок могу ей предложить. А вообще огонь, а не девка. Не всякому гусару хватит удали молодецкой так жахнуть. Та еще Дюймо-

вочка попалась.

Потом полы начала мыть. Сто раз выбегала с тазиком, чтобы поменять воду, и все бурчала, что здесь живет бородастый свин. Про меня, наверное...

Я уборкой, если честно, никогда не заморачивался — великом помашу, крошки со стола сотру и все, красавец. Дома за меня квартиру драила клининговая компания — мне такой ерундой некогда было заниматься, а здесь, в этой глуши, трястись над порядком казалось совершенно глупой затеей. Да и сам хозяин домушки не отличался тягой к чистоте. Когда я сюда только приехал, у него даже метелки не было, мне пришлось самому, как в том мультике, идти «к ближайшему орешнику за новой метлой».

Все это время было плевать, а сегодня внезапно стыдно стало. Бедной девчонке теперь выгребать за нами.

Хотя...

В этом были плюсы. Бочка не бездонная. И очень скоро Юле пришлось вставать на цыпочки и перегибаться через край, чтобы достать до воды. Вид открывался обалденный. Я, как дурак, едва слышав ее шаги, подбегал к углу, чтобы лишний раз полюбоваться.

В общем, что бы я ни делал, как бы ни старался отвлечься — результат один. Гостья каким-то образом умудрилась пробраться ко мне в голову, навести там знатный шухер и плотно обосноваться.

Проклятое воздержание. Всю жизнь думал, что уж мной-

то точно низменные страсти не повелевают, что у меня все под контролем. Хочу — буду хотеть, хочу — не буду хотеть. Как бы не так! Судьба-затейница пошутить решила и подсушила мне вот эту вот пигалицу в кружевных труселях.

Под вечер я уже начал злиться и на нее, и на себя. Это же надо! Три месяца нервы лечить, и за один день все спустить псу под хвост! Все потому, что у кого-то булки мягкие.

Вечернее солнце мягко касалось вершин елей, в воздухе витал легкий аромат душицы. Тихо, спокойно. Птицы поют, шмели гудят. Благодать. А у меня внутри все так же кипело и полыхало. Дрова уже не помогали. Я нарубил их столько, что хватит на две зимы, и разложил так, что можно на выставке показывать.

Вдобавок духотища стояла такая, что не продохнуть. Искупаться, что ли? Тут недалеко озеро лесное притаилось. Маленькое, идеально круглое, как монетка, усыпанное кувшинками, словно драгоценными камнями. Десять минут ходьбы, и я на месте.

Мысли о плеске прохладной воды показались такими соблазнительными, что я решил — купанию быть. Заодно кипящую кровь охлаждаю, да пыль и пот смою. Пахну как матерый дровосек.

Стал потихоньку собираться — инструменты убрал в крошечный чуланчик, чтобы не намокли, если дождь ночью пойдет. Козу загнал в хлев — иначе за нами увяжется, будет сто-

ять на берегу и вопить, как окаянная. Бродского, пожалуй, можно взять с собой, он купаться любит.

— Ты уходишь? — за спиной раздался взволнованный голос. Я так замечтался об озере, что не услышал, как Юля подошла ко мне.

Она смотрела на меня испугано и растерянно, как ребенок, который боялся оставаться один дома. Мне даже жалко ее стало, поэтому ободряюще улыбнулся и рассказал о своих планах:

— Пойду искупаюсь. Я ненадолго.

— Можно я с тобой? — нерешительно попросилась Юля, переминаясь с ноги на ногу, — так жарко, сил нет. Я вся взмокла сегодня.

Знала бы ты, как я взмок, наблюдая за тобой.

Посмотрел на нее с сомнением, не зная, что делать. С одной стороны, я зачем к озеру хотел пойти? Правильно, чтобы охладиться, привести мысли в порядок. Если она пойдет со мной, то ничего не получится.

А с другой... Ну какой нормальный мужик откажется от того, чтобы с ним девушка искупалась? Там же посмотреть можно все, проинспектировать.

В общем, покой мне только снился.

— Пойдем, — согласился милостиво, будто одолжение ей сделал.

На красивых губах расцвела улыбка, на которую так и хотелось смотреть, а еще бы лучше поцеловать. Но это я уж

размечтался.

Ненужные фантазии пришлось придавить и затолкать куда подальше.

— Я сейчас, жди здесь, — кратко отдал распоряжение и пошел в дом за полотенцем.

Вернее, за двумя. Себе какую-то тряпку нашел, а ей отдал то, что из дома привез. Джентльмен, куда деваться.

До озера брели молча. Юлька тихонько семенила следом за мной, стараясь не отставать. Дважды отчетливо услышал, как она охнула, споткнувшись о кочку, и каждый раз сердце в пятки проваливалось.

Ловить больше не буду! Пусть даже не просит! Хватило уже!

Надо отдать девчонке должное, не ныла, не жаловалась. Только пыхтела, спотыкалась и дальше шла, не прося остановиться или сбавить скорость. Наверное, этим и покорила. Я даже зауважал ее за стойкость и отсутствие склонности к истерикам. Шаг все-таки немного замедлил, чтобы она не бежала за мной, как собачонка, и направился обходной дорогой, той, где крапивы меньше росло, чтобы она не исколола свои ободранные коленки.

Бродский навешал на себя гроздь репьев — опять придется полвечера обдирать. Его самого этот факт ничуть не смущал. Он, словно носорог, продирался сквозь самые густые заросли, радостно прыгал и, громко лязгая зубами, ловил мух.

На заросший камышом берег мы вышли уже в легких сумерках. Лягушки изо всей дурацкой мочи пели песни на разные голоса, вечерние кузнечики им вторили, так что на озере было шумно и весело.

Лохматый шалопай выскочил из зарослей и с разбегу прыгнул в воду, поднимая кучу брызг, а через минуту уже плыл к середине озера.

— Нам туда, — я махнул в сторону удобного, пологого спуска, — там дно хорошее, не илистое, и водорослей нет.

— А пиявки есть? — напряженно спросила Юля.

— Пиявки? Наверное, есть, — я никогда этим вопросом не озадачивался.

— А змеи?

— Змей нет.

Вот тут я немного приврал. Были змеи. Изредка ужи попадались, приползали к дому и грелись на завалинке, а хозяин избушки говорил, что если поглубже в лес зайти к болоту, то можно и на гадюк наткнуться. Юльку этой информацией беспокоить не стал. Меньше знает — крепче спит.

— Я первый пойду, — сообщил ее и начал расстегивать рубашку.

— Хорошо, — Юля отвела взгляд в сторону, а мне стало смешно.

Вот как дети, ей богу! Оба! Всего лишь озеро, вода, купание, а между нами напряжение такое висит, будто принуждают к чему-то непотребному.

Она прошла немного вперед, аккуратно присела у самой кромки и аккуратно коснулась темной воды.

— Ну как? — рубашку расстегнул, стащил с плеч и небрежно бросил на примятую траву. — Теплая?

— Да, как парное молоко, — девушка распрямилась и повернулась ко мне лицом, как раз в тот момент, когда я расстёгивал брюки.

Юлька не удержалась, скользнула быстрым взглядом по плечам, кубикам на животе, рукам. Ни слова не сказала, но бровь у нее подскочила, а в глазах интерес мелькнул. И тут я решил покрасоваться. Зря, что ли, сегодня дрова тягал? Мышцы от напряжения были каменные, вздулись, гудели, на руках четко проступали вены.

Ей понравилось, я точно знал. Юля встала боком, чтобы откровенно на меня не пялиться, но взгляд то и дела прыгал в мою сторону.

Да-да, смотри, наслаждайся. Где еще такого красавца увидишь?

К сожалению, эффект немного смялся, когда я стащил брюки. Мятые ситцевые семейники, почти до колена не вязались с образом брутального мачо. Голубые, с россыпью мелких веселых цветочков: красных, желтых, белых.

Твою мать! Совсем забыл, что в этой лесной жизни у меня все простое, без изысков. Я эти труселя сам покупал — прикола ради, чтобы почувствовать полную свободу. Пришлось делать вид, что так и задумано. Резинку повыше подтянул и

бодро пошагал к воде, чувствуя, что она смотрит вслед.

Ну и ладно! Было бы странно, если бы у бородатого лесника под брюками нашлись модные трусы от кутюр. Так что все нормально, все в рамках легенды.

Юля дождалась, пока я зайду поглубже, немного постояла, помялась, а потом тоже направилась в воду прямо как есть — в одежде. Сказать по правде, я думал, что она в белье будет купаться, и теперь был немного разочарован.

Девушка зашла в озеро по пояс, присела и счастливо зажмурилась:

— Блаженство, — простонала голосом довольной кошки, — я так мечтала о душе, горячей ванне, но это даже лучше.

Впервые за время нашего знакомства она перестала хмуриться и улыбнулась. Эти ямочки на щеках мне теперь полночи будут сниться.

А вообще, очень захотелось ее поцеловать. Вечер, природа, романтика, и мысли у меня снова поплыли в ненужном направлении.

— Здесь есть баня.

— Баня — это хорошо, — улыбка стала немного шире.

— Могу натопить. Благо дров предостаточно, — усмехнулся.

Она в задумчивости закусила нижнюю губу

— А веник есть?

— Есть. Березовый.

— Ммм, мой любимый.

Сделал себе пометку. Баню натопить! Красну девицу хорошенько отмыть! И отпарить! Прямо веником и по булкам!

Черт, вот о чем я опять думаю?! Хотя... а почему бы и нет?

Взрослые люди и вполне можем позволить себе взрослые шалости по обоюдному согласию.

Тем более я же вижу, что у нее тоже мысли подобные про-скакивают, хоть она и пытается это скрыть. Только девочка далеко не мастер покер-фейса, да и глаза ее не врут.

Этой ночью я спал плохо, хотя обычно отрубаясь сразу, едва голова коснется подушки. Но сегодня другой случай, сегодня бессонница издевалась надо мной полночи. И опять во всем виновата Юлька, которая надумала купаться в одежде, а потом безмятежно выбралась на берег, будто не замечая, что к ней юбка прилипла, опутав ноги, да и майка словно вторая кожа облегала девичье тело. Я, конечно, старательно отводил взгляд в сторону, всеми силами изображая из себя слепого девственника. Но, черт подери, так и окосеть можно! У меня чуть глаза не вывалились от напряжения. Их в одну сторону отводишь, а они сами в другую тянутся.

Зато гостья была очень довольна вечерним купанием и, казалось, ничего вокруг не замечала — полотенцем обмotalась и обратно к домику шла, останавливаясь, чтобы какие-то беленькие цветы понюхать, а когда вернулись, немного смущенно попросила что-нибудь, во что можно пере-

одеться, пока вещи сохнут.

Я, если честно, растерялся. Своих вещей у меня здесь раз-два и обчелся, а давать ей заношенный хлам от прежнего хозяина совершенно не хотелось. В итоге нашел одну из своих футболок, даже вроде чистую и не вонючую. По длине она оказалась такая же как Юлькина синяя юбчонка, вот только разрезы по бокам поднимались неприлично высоко.

Чтобы перестать на нее пялиться, пришлось усесться за стол, налить себе едва теплого чаю и самозабвенно хрустеть сушками и причмокивать, будто в жизни ничего вкуснее не ел. Юля в это время бегала по дому: то переодевалась, то вещи свои сырые развешивала на крыльце. То из комнаты, то в комнату. Туда-обратно, как метеор.

Что-то ее слишком много стало в моем доме. Вернее, не совсем моем. Вернее, совсем не в моем. Неважно. Суть в том, что она будто все собой заполнила, и спрятаться некуда. Да и не очень хотелось прятаться-то.

В общем, не в силах больше бороться с собственным воображением, я отправился спать. Вот там-то меня бессонница и подкараулила.

Несмотря на то, что глаза смог сомкнуть, когда на часах было далеко за полночь, с утра по привычке проснулся в шесть ноль-ноль. Лежать дальше смысла не было, поэтому с кряхтением поднялся с продавленной кровати, оделся и тихо вышел из комнаты.

В этот раз Юля не забыла закрыть дверь в свой будуар, и

бедный Бродский спал в кухне. Он растянулся во весь свой немалый рост и тихо посапывал, изредка подергивая лапами, через которые мне пришлось перешагивать на пути к выходу.

Эта здоровенная псина категорически отказывалась ночевать на улице. Когда я в свою первую дикую ночь вытолкал его из дома, он сел под дверью и выл до хрипоты. Убедившись, что пускать его никто не собирается, обошел вокруг дома, подобрался к окну и, встав на задние, лапы начал на меня смотреть. Многозначительно так, с укором. Такое себе удовольствие, когда просыпаешься и в лунном сиянии видишь шальную взъерошенную башку, блестящие глаза и зубастую пасть. Если честно, я тогда знатно перепугался, и с тех пор скотину эту лохматую на улицу не выгоняю — все равно достанет.

Порядком раздраженный и не выспавшийся, я вышел на крыльцо и осмотрелся.

Хорошо здесь все-таки. Красиво.

В предрассветном мареве рваный туман стелился по земле, в воздухе ощутимо тянуло еще не отступившей ночной прохладой и сырой травой. А самое главное тихо. Так тихо, что кажется, будто один во всей Вселенной.

Тут взгляд зацепился за клочок синей ткани, сиротливо висевшей на балясине.

Ни фига я не один. Совсем рядом за стенкой сладко спала незваная гостья, будь она неладна. Спала и не подозревала,

что один бородатый мужик и в правду готов стать маньяком по ее вине. Надо с этим что-то делать. Может, оттащить ее обратно к машине и там оставить? И забирать только на ночь, чтобы лишний раз глаза не мозолила? Или до деревни дойти и позвонить Грише, чтобы увез ее, от греха подальше?

Хотя мне, конечно, больше нравится другой вариант, в котором мы вместе в баньке паримся. Юлька красная, разгоряченная, и к гладкой ляжке лист от веника прилип...

Я из-за этой дурной фантазии полночи глаз не мог сомкнуть. Почему меня так на ней закоротило? Вроде девчонка как девчонка, видал в своей жизни и покрасивее, но не разу не доходил до такого состояния, чтобы блаженно слюнями на пол капать.

Дурак какой-то!

Смирившись с собственной глупостью, я обреченно махнул рукой и соскочил с крыльца. Фантазии фантазиями, а дела никто не отменял — пора кормить и доить рогатую, пока она не начала вопить на весь лес.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.